

РЕНЕССАНС
НОВЫЙ

4(6)2011

Анастасия Бабичева, член МГП, представляет

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО с ограниченными возможностями:

заметки на полях «литературы поддержки»

Джордж Ривис, «Школа животных»

Однажды животные решили, что они должны сделать что-то поистине великое в ответ на вызовы «нового мира». И тогда они открыли школу. Они утвердили расписание занятий, которое включало бег, лазание по деревьям, плавание и летное искусство. А чтобы было легче соблюдать расписание, решили, что каждое животное будет изучать все дисциплины.

Утка получала только отличные оценки по плаванию. По правде сказать, она занималась даже лучше, чем ее учитель. Но в летном искусстве она едва набирала проходной балл, а уж бег ей вовсе не давался. Утка бегала медленно, поэтому ей приходилось оставаться после школы и даже пропускать занятия по плаванию, чтоб упражняться в беге. Так продолжалось до тех пор, пока она не стерла свои перепончатые лапы в кровь. Из-за этого ее успехи в плавании стали самыми средними. Но среднего балла было достаточно для школы, поэтому никто особенно не расстраивался, кроме самой утки.

Кролик сначала был лучше всех в беге. Однако вскоре у него случился нервный срыв из-за огромной дополнительной нагрузки по плаванию.

Белка лучше всех лазала по деревьям, но со временем у нее развился комплекс неполноценности на занятиях по летному искусству. Учитель заставлял белку отталкиваться от земли и взлетать вверх, вместо того, чтобы парить с макушки дерева вниз. А еще у нее начались судороги из-за перенапряжения лап, и она скатилась на тройки в лазании по деревьям и на двойки в беге...

Орел был сложным ребенком и его воспитывали в жесткой дисциплине. На занятиях по лазанию он превзошел всех, но настаивал исключительно на собственном способе добраться до макушки дерева.

А грызуны луговые собачки вообще не попали в школу и боролись против платы за обучение, потому что руководство никак не хотело добавлять в расписание такие предметы, как копанье и рытье нор. Они отдали своих отпрысков в ученики барсуку, а позже, объединив усилия с сурками и сусликами, открыли процветающую частную школу.

Есть ли в этой басне мораль?

Пожалуй, одна из самых приятных иллюзий современного мира – это иллюзия безграничных возможностей. Все подвластно современному человеку: овладеть любым знанием и навыком с минимальными затратами усилий и времени; переместиться в пространстве реальном и виртуальном за считанные часы, минуты, секунды; отменить не только геополитические, но и культурные, языковые, этнические и иные границы; и прочее, и прочее. Человек владеет временем и пространством, он – хозяин самой возможности, не говоря уж о своей собственной жизни. Впрочем, как и любая иллюзия, современное ощущение всемогущества имеет, в частности, одно опасное последствие: чем более безграничными воспринимает человек свои возможности, тем бо-

лее ущемленными, обделенными, неполноценными он осознает людей, которых принято именовать «людьми с ограниченными возможностями». Однако, знакомый с понятиями гуманности и толерантности и, более того, часто стремящийся соотносить свое существование с ними, современный человек закономерно продолжает эту логическую цепочку. Чем более неполноценными ощущаются такие, в отличие от него не-всесильные люди, тем сильнее становится своеобразный комплекс вины всемогущего хозяина мира и жизни. А дальше – всевозможные варианты эмоциональной компенсации этого комплекса: от сознательного игнорирования, а иногда и враждебности по отношению к «ограниченным» в возможностях до скорбного сочувствия и уничижающей жалости. И несложно догадаться, что все эти варианты – едва ли то самое, чего хотелось бы «людям с ограниченными возможностями», то, в чем они нуждаются.

Но чего бы им хотелось, и в чем они нуждаются? Кажется, сегодня ответу на этот вопрос посвящен огромный информационный материал в самых разных сферах жизни – от политики до морали, от психологии до искусства. Однако более или менее универсальный ответ – «отношения как к равным» – по-прежнему остается своего рода загадкой. Загадка: как возможно равенство между Человеком Всемогущим и человеком, ограниченным в возможностях? Не будет ли такое псевдо-равенство всегда лишь уступкой сильного по отношению к слабому? Не является ли сама идея такого равенства еще одной иллюзией, профанацией? Действительно, загадка, или?... Разгадка проста, хотя, как это часто бывает, и требует смены угла зрения, иного подхода.

Автор неизвестен, «Это важно для него»

Я шел по берегу моря, и со мной поздоровался мальчик. Он кидал морских звезд, которых вынесло на берег, обратно в море. Я обратился к нему: «Скажи, какое тебе дело до них, зачем ты тратишь время? Ведь существует миллион морских звезд, которых вынесло на берег, разве это имеет значение?»

Мальчик ответил: «Для этой звезды – имеет. Она заслуживает шанса расти дальше. И для нее это имеет значение. Я знаю, что не могу спасти их всех. Но именно для этой звезды важно то, что я верну ее в море. Это важно для нее, а значит, это важно и для меня».

Я вошел в класс, и со мной поздоровалась учительница. Она помогала учиться Джонни. А ему это было совсем не легко, как я видел. Я обратился к ней: «Скажите, какое Вам дело до него, зачем Вы тратите время? Ведь Джонни – один ребенок из миллионов, разве это имеет значение?»

Учительница ответила: «Для этого ребенка – имеет. Он заслуживает шанса расти дальше. И для него это имеет значение. Я знаю, что не могу помочь им всем. Но именно для этого ребенка важно то, что я помогу ему быть таким, каким он хочет быть. Это важно для него, а значит, это важно и для меня».

А что если сделать все наоборот? Не стремиться расширить границы ограниченных возможностей отдельной соци-

альной группы (что всегда грозит превратиться в уступку, одолжение, компенсацию – одним словом, отношение синтетическое, неестественное), но попробовать избавиться от иллюзии собственного всемогущества.

Автор неизвестен,

«Ребенок подобен бабочке на ветру»

*Ребенок подобен бабочке на ветру.
Одна может взлететь выше другой,
Но каждая летает так хорошо, как только может.
Так зачем сравнивать одну с другой?
Ведь нет двух одинаковых бабочек.
Каждая – прекрасна.
Каждая – уникальна.*

Всемогуща ли я, едва знакомая с новейшими технологиями, не знающая абсолютного большинства иностранных языков, не умеющая управлять сложными машинами, демонстрирующая очень заурядные показатели в спорте? Я даже в математике до неприличия посредственна. Так о каких безграничных возможностях идет речь? Да, возможно, я неплохо справляюсь с выражением своих мыслей в слове, мне часто удаются кулинарные эксперименты, я обладаю некоторыми профессиональными и иными навыками, которые для других менее доступны. Но возможности мои, в целом, крайне относительны. И, к сожалению (или к счастью?), такая относительность вполне ограниченных возможностей истинна для абсолютного большинства представителей современного человечества.

Ведь если задуматься, наша сила – не в утверждении собственного всемогущества, не в потакании этой модной иллюзии, но в добровольном и продуктивном объединении возможностей – в каждом личном, конкретном случае возможностей, прямо скажем, довольно ограниченных. Термин «интеграция» («социальная интеграция», «интеграционная модель образования», «профессиональная интеграция» и прочие вариации) мы часто слышим именно в контексте так называемых людей с ограниченными возможностями. Но разве интеграция (социальная, образовательная, профессиональная или любая иная) не есть единственный способ продуктивного сосуществования для всего человечества без исключений? Ведь, может быть, отказ от иллюзии всемогущества и сплочение всеобщих ограниченных возможностей в единую, стремящуюся к безграничности возможность (в том числе, саму возможность быть гуманными, толерантными, возможность взаимопомощи и равенства) – и есть единственно верный путь к такому миру, в котором сам термин «человек с ограниченными возможностями» станет тавтологией, ненужным уточнением? И в таком случае литература поддержки, которая стала поводом для написания этих заметок, превратится в феномен, существующий не ради тех, кого мы жалеем, кого осознаем зависимыми от наших безграничных возможностей, но в способ поддержать нас самих в нашей же попытке честно оценить себя, свою природу – природу человека, который (нет, не «к сожалению», а «к счастью») рожден с ограниченными возможностями.

Национальный центр обучения людей с ограниченными возможностями, «Фиолетовая черепаха»

Однажды маленькой фиолетовой черепашке захотелось поплавать с друзьями. Она слышала, что это ужасно весело! Добравшись до пруда, она увидела, как все осталь-

ные фиолетовые черепахи снимают свои панцири, отстегивая их. Но у этой фиолетовой черепашки не было застежки. Она ощупала весь свой панцирь – застежки нет. Но один из ее друзей все-таки заметил пуговку. Подумав, все черепахи решили, что так, должно быть, и снимается ее панцирь. Маленькая черепашка присмотрелась и заметила еще несколько таких пуговиц. Она быстро их растегнула и ее панцирь упал на землю. Как только это произошло, все фиолетовые черепахи весело бросились к воде. Они прыгнули в пруд и весь день плавали и плескались в нем.

Ты – как эта маленькая фиолетовая черепашка. Ты можешь плавать так же, как и все остальные черепахи, вот только твой панцирь отстегивается по-другому. Да, у тебя свой собственный способ. Также и в школе: когда все учатся по одному образцу, ты учишься по другому. При этом ты способен узнать ровно столько, сколько и все остальные – так же, как та маленькая черепашка способна плавать. А специальный класс, в котором ты занимаешься, или специальный учитель, который помогает тебе, это всего лишь способ дать тебе такой же шанс выучиться, как и любому другому ребенку.

Так какова же мораль этой басни?...

Автор неизвестен,

«Быть смелым»

*Быть смелым значит стоять,
Даже если упасть было б легче.
Самому ответы искать,
А не верить в известные речи.*

*Быть смелым – прямо ступать,
Когда проще вернуться обратно.
Быть счастливым, не унывать,
Хоть жалеть себя очень приятно.*

*Быть смелым – мир построить самому,
Не ждать, что «кто-то» и «когда-то».
Стать совершенным недоступно никому,
К чему твердить, что все и всюду виноваты.*

*Быть смелым – и вперед шагнуть
Из-за спины все негодующей толпы.
К вершинам горным руку дотянуть
Не испугавшись от земли поднять стопы.*

*Быть смелым – и навстречу небосводу
Подняться нерушимую скалой.
Быть смелым значит быть свободным
И мыслями, и телом, и душой.*

Перевод Анастасии Бабичевой

Оригиналы приведенных выше и других текстов «литературы поддержки» можно найти на сайте канадской Ассоциации семей, в которых живут дети с коммуникативными отклонениями www.oafccd.com Другие работы автора этой статьи, посвященные «литературе поддержки», а также проблемам детской инвалидности и сиротства, можно найти на сайте Общественной волонтерской организации «Домик детства» www.domikdetstva.ru

Haute Couture

(“от-кутюрье”) как вид искусства

Всем известно, что родина Высокой моды – Франция. Именно там, в XIX веке, возникло понятие «от-кутюрье» (haute couture).

Что же такое Мода «от-кутюрье»?

Термин «от-кутюрье» (haute couture) в буквальном переводе с французского означает «Высокое шитье», т. е. швейное искусство высокого качества. В наши дни под ним понимают создание одежды самого высокого класса и обычно переводят «от-кутюрье» как «Высокая мода». Сюда относится творчество ведущих салонов мод, которые задают тон международной моде; уникальные модели, которые производятся в знаменитых салонах мод по заказу клиента.

Центром «от-кутюрье» является Париж, где находится Палата (или Синдикат) Высокой моды – *Chambre Syndicale des couturiers*. Она определяет статус модельеров (члены Палаты, члены-корреспонденты, а также приглашенные члены, которые могут быть со временем приняты в Палату) и занимается организацией показов коллекций Домов Высокой моды два раза в год (в январе и июле), поддерживает связи с прессой.

Высокая мода (мода «от-кутюрье») в том виде, в котором мы ее знаем, родилась в конце XIX-го века и обязана своим появлением англичанину Чарльзу Фредериксу Ворту (Charles Frederick Worth, 1825–1895 гг.).

В 1858 г. этот английский модельер открыл в Париже собственную мастерскую, затем свой Дом мод, где шил платья для самых высокопоставленных клиенток (с 1860 г. Ворт стал портным императрицы Евгении – супруги Наполеона III). Клиентками Ворта были известные аристократки не только Франции, но и всей Европы, он одевал девять королей, исполнял Чарльз Ворт и заказы русского двора. Именно роскошная мода Ворта ввела в обращение понятие «от-кутюрье», а его самого принято считать Первым Кутюрье в истории Высокой Моды.

Ворт был первым, кто начал диктовать своим клиентам свое видение моды. Он же первым ввел показы платьев на живых манекенщицах, отказавшись от распространенной тогда

Чарльз Фредерик Ворт –
Первый кутюрье Высокой Моды

практики отсылать клиентам тряпичные куклы, одетые в предлагаемый мини-наряд.

Ворт был первым, кто помимо индивидуальных заказов стал разрабатывать небольшие творческие коллекции по сезонам, копии которых могли заказывать его клиентки.

Именно он придумал манекен знакомой нам формы (стилизованный торс человека). На нем мастер демонстрировал модели и на подобных же манекенах накалывал схему задуманного. Такая работа – без выкроек, прямо на ткани, которая затем кроится по линиям наколок, – и сегодня является отличительной особенностью моды «от-кутюрье».

Чарльз Ворт первым начал, подобно художнику-живописцу, «подписывать» свои модели, т. е. пришивать к платьям ленточку с вытканым на ней именем.

В 1868 г. Ворт создает «Синдикат Высокой моды» («*Chambre Syndicale de la Haute Couture*») – организацию, объединившую дома мод, в которых одевались высшие круги общества. К этому Ворта побудили, с одной стороны, желание защитить известных портных от копирования их моделей, с другой стороны, стремление предложить своим клиентам уникальные, единичные модели, а также личные мотивы: Ворт считал себя не портным, а худож-

ником, именно он, а не клиент, решал, как будет выглядеть наряд.

Чарльза Ворта по праву именуют отцом «от-кутюрье». Именно он заложил традиции «Высокого шитья»: модель создавалась как произведение искусства и практически вручную.

Несмотря на это, искусство моды еще не встало в один ряд с другими видами искусства. Только в 1943 году был издан закон, на основании которого дизайнеры Высокой Моды получали равные права с работниками искусства и литературы.

После Ворта традиции моды «от-кутюрье» продолжили парижские дизайнеры, имена которых навсегда остались в истории Высокой моды: Поль Пуаре, Коко Шанель, Мадлен Вионне,

Императрица Франции
Евгения в платье от Ворта

Жанна Ланвен, Эльза Скиапарелли, Кристиан Диор, Андре Курреж, Юбер де Живанши, Ив Сен-Лоран, Кристиан Лакруа.

Haute couture не изменяет своим принципам и по сей день – требования остались те же: Высокая мода всегда делается вручную (сейчас на 70%), всегда в Париже, всегда по точным индивидуальным меркам из тщательно подобранных материалов.

Высокая мода – это уникальные, единственные в своем роде вещи, на создание которых уходит от 100 до 400 часов работы в зависимости от дизайнера и пожеланий клиентов. Уникальность вещей «от-кутюрье» заключа-

ется также в использовании весьма дорогостоящего сегодня труда высококлассных ремесленников, которые изготавливают в традиционных для Франции специализированных ателье кружева, плиссировку, украшения из перьев, пуговицы, цветы, бижутерию, перчатки и шляпы по заказу домов мод.

Чтобы быть причисленным к Домам «от-кутю», надо соответствовать целому ряду строгих требований: все производство – центральное ателье, мастерские, магазины – должно находиться в Париже и, таким образом, попадать под юрисдикцию французского Департамента промышленности. Дом обязан иметь не менее 15 служащих и три постоянные манекенщицы; представлять коллекции два раза в год – в каждом дефиле по 35 платьев для дня и для вечера.

Дома «от-кутю», чьи штаб-квартиры находятся за пределами Парижа, являются членами-корреспондентами Палаты. Сегодня это Versace и Valentino. Количество Домов Высокой моды меняется, но почти всегда держится около цифры 20.

Валентин Юдашкин стал первым и пока единственным российским модельером, принятым в Синдикат Высокой моды в статусе иностранного члена-корреспондента (1996-2000 гг).

Выбранные на дефиле костюм или платье являются лишь образцом, а для клиента шьется новое, идеально подходящее к фигуре. Срок изготовления наряда – 6–12 недель, обязательно делается три примерки. В идеале платье должно быть сделано для клиента в единственном экземпляре, но есть послабление: платьев может быть несколько, но они не могут быть проданы на один континент, при этом максимальное количество платьев одного образца – три. Сделано это для того, чтобы снизить до минимума вероятность встречи двух клиенток в одинаковых платьях.

Цена платья «от-кутю» весьма высока – от 25 до 100 тысяч долларов, костюма – от 16 тысяч долларов, а вечернего туалета – от 60 тысяч долларов. Высокая мода доступна сегодня только по-настоящему богатым людям. Раньше это были в основном представители аристократии. В 1980-е гг. прошлого века в рядах клиентов «от-кутю» стали появляться «ближневосточные принцессы», жены и дочери богатых саудовских нефтяных шейхов.

Сегодня богатые русские стали новыми желанными клиентами Высокой моды, радуя персоналы парижских домов своей манерой тратить деньги, схожей с привычками арабских нефтяных шейхов.

«Золотой век» Высокой моды – это 1950-е и 1960-е годы. Сразу после окончания Второй мировой войны в Париже проходило до 100 показов Высокой моды в сезон, а количество занятых в этом деле людей превышало 46.000 человек. Сегодня общее количество людей, занятых в сфере «от-кутю», не превышает 4.500 человек и помимо одежды жизнь Домов «от-кутю» в основном поддерживается сложной индустрией производства парфюмерии, косметики, аксессуаров и даже запуском линий прет-а-порте (фр. = готовая одежда).

Недавно в Париже прошла очередная Неделя Высокой моды (Paris Fashion Week) – на которой самые знаменитые Дома моды представили свои коллекции осень-зима 2011-2012. Paris Fashion Week во всем мире считают самой главной из Недель моды, завершающей многодневный марафон, включающий четыре главных Недели моды (в Лондоне, Милане, Нью-Йорке и Москве).

Шоу, проходящее в самом сердце мировой моды – Париже, вызывает наибольший интерес модной общественности и высоко ценится самой искушенной публикой. Каждая модель коллекций – это шедевр, в котором художник тщательно шлифует все до мельчайших деталей, через одежду стараясь раскрыть некую философскую мысль, выразить эмоциональное

переживание, рассказать какую-то историю. Создать нужное впечатление ему помогает и оформление пространства для дефиле, и музыка, и световое оформление показа.

Стиль каждого художника уникален, а работа порой граничит с чистым искусством. Haute couture – это сказка из воздушных кружевов, блестящего атласа и нежного бархата, позволяющая нам мечтать о прекрасном.

Неделя высокой моды в очередной раз доказала: Мода «от-кутю» – искусство настолько высокое, что уничтожить его не под силу никаким финансовым трудностям. «Мы, конечно, знаем о ситуации в мире и призываем всех быть экономнее, – говорят известные кутюрье. – Но только не в выборе нарядов!» И, хотя Домов haute couture становится меньше и меньше, истинные мастера своего дела продолжают творить, придерживаясь принципов не бизнеса, а искусства. А на парижской сцене царят новые короли Высокого шитья, те, кто пришел на смену мэтрам прошлого века – они молоды и талантливы, в их руках будущее haute couture.

Елена Мирошенская

ДО КОСТОЧКИ, ДО СЕРДЦЕВИНКИ...

Она нигде не выставялась. У нее нет Имени в мире искусства. Ее работы не хранятся в частных коллекциях. У нее нет специального художественного образования. Все как-то не складывалось, не оказывалось в нужный час в нужном месте... Появление Интернета изменило жизнь. Ее творчество обрело зрителя, почитателя, вдохновителя...

Мы были знакомы много лет в Израиле, я знала, что Тамара Москаленко увлечена «поделками» и ведет детский кружок «Умелые руки» в городе Ашдоде. Она несколько раз приглашала меня зайти посмотреть на ее «про-

изведения», но мне было как-то некогда, не до того, да и серьезный ли это повод – поделки... Но однажды это случилось. Ну, во-первых, я не ожидала, что всего СТОЛЬКО, что это так разнообразно по жанрам и часто необычно, во-вторых, все вместе это рождало какие-то смешанные чувства – радости открытия еще одного творческого человека, досады, что никто это не видит, вселенской несправедливости к ближнему, удивления, что можно жить вот так, в каком-то своем мире со своими законами, традициями, находками...

Она вырезала тогда скульптурки из авокадных косточек, была очень этим увлечена, только недавно придумала для себя этот материал, которого в Израиле предостаточно, и просила всех знакомых: «Не выбрасывайте, пожалуйста, косточки». Я не выбрасывала.

– Это было давно. С появлением интернета мои горизонты невероятно расширились, да просто изменилась вся жизнь. Появились единомышленники, друзья, тот, кому интересно, что я делаю... Главное – интернет открыл новые направления в творчестве, и от жадности я накинулась сразу на все, что меня интересовало. А не будь интернета, так я бы сосредоточилась, наверно, на бумажных скульптурах и на авокадных косточках. Косточки, кстати, это мое личное «открытие» и я, возможно, нашла бы еще много новых нюансов, как использовать этот замечательный материал. Словом, меня

понесло вширь, а могло бы – вглубь. Но я совсем не жалею...

Какое-то время занималась мягкими каркасными куклами – «скульптурным текстилем». Видимо, знаменитая художница Ольга Андрианова с ее великолепными выразительными куклами, с их яркими характерами так меня заворожили, что мне именно это захотелось попробовать. Надо сказать, что методик и мастер-классов в этом направлении было не густо. Нашла один, той же Андриановой, и стала пробовать... Получалось грубовато. Моя первая Аленушка сейчас мне кажется такой примитивной. Но это был определенный этап. Что-то разглядела в интернете, до чего-то дошла сама, вот так и училась. «Шить лица» очень трудно, но это самое интересное – добиться выразительности!

После скульптурного текстиля меня увлекло «валяние игрушек» из шерсти и синтепона. Казалось бы, откат назад, но нет! Это настолько увлекательно! Работы эти по размеру небольшие, очень радостные, прекрасно годятся для подарков. Есть мастерицы, которые используют мокрое валяние, делают замечательные вещи и украшения. Я же только игрушками занимаюсь. Они заселили всю мою квартиру. А иногда переселяются к друзьям...

Ну и очень важное для меня – куклы, созданные из пластика, так называемое направление «авторская кукла». К сожалению, в доинтернетный период я про это мало что знала. Видела в Из-

раиле работы одного мастера, бывшей москвички Лены Куниной. Ее работы были чудесными! Я даже представить не могла, что я когда-то отважусь сделать куклу сама. Кстати, материалы для лепки кукол стали появляться в продаже, но я боялась браться за это. А потом Лена подарила мне пачку пластика, и это стало толчком к новому этапу – в 58 лет я начала лепить кукол.

Как рождается кукла? Сказать сложно... Всегда по-разному. Мне неинтересно делать просто красивых фей и принцесс, хотя создать сказочную куклу, конечно, тоже очень здорово. Но мне хочется сотворить куклу-образ, дойти до нюансов в характерах. Вот девочка, которой подарили щенка – и это самый долгожданный подарок для нее. Этот образ навеян тем, что было у нас в семье. Моя дочка Надюшка в детстве больше всего хотела иметь собачку. И когда мы ей подарили щенка, она была счастлива. Или вот образ маленького, но серьезного мальчика, который любит играть в шахматы. Он пока что играет партию с котом, но, несомненно, у него большое шахматное будущее... Или Ассоль – девочка-мечта...

Сейчас мне особенно дорога моя последняя работа «Дорога в гетто». В музее Яд ва-Шем, в Иерусалиме, хранится кукла. С ней девочка не расставалась все время, пока была в гетто, может, она и выжила благодаря этому – держалась за то единственное, что осталось от счастливого детства... Я попыталась это представить, попыталась передать всю трагедию в образах мамы и дочки...

Обычно, долго думаю над образом, не могу делать быстро, как-то дозреваю. А потом, когда завершаю работу, очень привыкаю к своим созданиям, они для меня становятся родными – видимо, старею...

* * *

В Среднюю Азию родители Тамары переехали из Кишинева. Детство прошло в Чимкенте. Она и сейчас вспоминает это время как счастливый, тихий, спокойный кусочек жизни: «Есть в этих краях свои запахи, своя аура, и ощущения эти незабываемы». Ездил в пионерские лагеря, которые находились высоко в горах, в отрогах Тянь-Шаня, красота необыкновенная. Пела. Диапазон был, как у Робертино Лоретти – Тамарой гордились и отправляли ее на все смотр художественной са-

модеятельности отстаивать честь школы.

– Я пела, – смеется Тамара, – на псевдоитальянском языке, списанном с пластинок и при всей своей стеснительности любила выступать. Голос сорвала. Никто ведь не учил меня, как им правильно пользоваться.

Тамара бредила тогда Италией. Читала много книг по искусству, итальянскую литературу, слушала итальянские оперы долгими часами, чем изводила соседей, собирала репродукции и особенно любила Ренессанс. Нарисовала себе сказочную страну и жила в ней.

– До сих пор, если я слышу итальянскую речь, итальянские песни, у меня сжимается сердце. Когда был жив дедушка, я его часто спрашивала, нет ли в нашем роду примеси итальянской крови? Точно никого не было?

Однажды Тамара ехала в автобусе, было ей тогда двенадцать. Волосы гладко зачесаны, хвост заплетен и уложен косичкой, короткая серенькая юбочка.

Пожилый седовласый мужчина внимательно смотрел на нее. Потом они не раз встречались в этом автобусе. Тамара ездила в музыкальную школу, училась играть на аккордеоне. Как-то разговорились. Он был адвокатом. Оказалось, что во время войны он попал в Италию, был тяжело ранен и его выходила итальянская девушка. Тамара чем-то напомнила ее.

«Представляешь, я ведь, кроме Италии, ничем тогда серьезно не интересовалась, а тут столько рассказов об этой стране! Как же он попал в точку».

– Бон джорно, сеньорина, – приветливо здоровался он с Тамарой.

– Бон джорно, сеньор, – восторженно отвечала она ему. И это был пароль их общей страсти.

Так ходили они по этому кусочку дороги, хромым стариком и девочкой, разговаривая об Италии, которой были одинаково больны. А потом то ли он исчез, то ли Тамара перестала ходить в музыкальную школу.

– Тебе бы сейчас в Италию съездить, – говорю я.

– Могла бы, наверно, но боюсь разочарований.

А еще Тамара любила в детстве рисовать, а потом выяснилось, что лепить еще больше. На одном из чимкентских предприятий выбрасывали на улицу глину. Она была мягкой, пластичной, податливой, белой, и

Тамара делала из нее всякие фигурки – получалось! Как хотелось ей пойти в кружок, где бы этому учили. Но в городе работала в то время лишь одна изостудия, да и та для взрослых. Тамара приходила туда частенько, заврожено следила за тем, как рисуют дяди и тети, ее не выгоняли, но и не учили ничему.

После школы поехала поступать в Серовское художественное училище в Ленинграде. Желание было только одно – стать скульптуром. Она сдала рисунок, затем скульптуру – все это без специальной подготовки, и была допущена к экзаменам по композиции. Но перед ней извинились: мол, не сразу заметили результаты проверки зрения – у Тамары было минус десять, на скульптуру таких близоруких не принимали.

– Мне предложили поступать на другой факультет, но там нужно было сдавать живопись, и я испугалась. Я вообще всегда робела перед красками, цветом – я же самоучка. Тогда я не знала, что мне делать, как жить дальше. Это было большой травмой для меня. Детское время кончилось.

Аривидерчи, сеньорина.

Родители Тамары переехали в Заполярье. Где-то через год она приехала к ним в гости и поступила в Мурманский пединститут на историко-филологический факультет. О скульптуре остались лишь мечты. Хорошее было время. Много рисовала, читала, увлекалась японской поэзией и писала свои стихи, подражая...

– Можно загляну?

– Пожалуйста, там нет никаких тайн.

Как в детстве, звезды подвешены на ниточках,

и сны, как в детстве, залетают в форточку.

И если вдруг, как в детстве, сестра на корточках, то муравьиных тайн душа коснется...

Еще одно:

Надо подумать и попытаться понять

Надо увидеть, вобрать и вдохнуть все голоса, все улыбки, все помыслы и сомнения.

А Тамарины родители вернулись жить в Кишинев, и она тоже вскоре переехала к ним. Работала с детьми. Очень увлекалась эсперанто. И всегда много рисовала. Без знания техники. Без правил и законов. Как будто кто-то водил ее рукой. Кстати, позже она увидит телевизионную передачу о психотерапевте, который, якобы, придумал метод «ключа». Человек находится в состоянии, сродни медитации, начинает рисовать, не загадывая, что получится и на какую тему. Тамара попробует поймать в себе это состояние и у нее это получится. В результате появилась целая папка рисунков, выполненных «единой линией», ведь рука почти не отрывалась от бумаги.

***

Часто ли встречается наделенный многими творческими способностями человек, имеющий вместе с тем железную хватку и практичность? Или это вообще взаимоисключающие качества? Ну конечно, хочется верить, что самобытное само собой будет замечено и отмечено, что природная скромность и застенчивость, неумение рекламировать себя – большое неудобство, но не порок, а может, кто знает, остаток нашей совести.

– Рынок для меня – некая абстракция. Продавать работы – дело более хитрое, чем их делать. Мне сложно участвовать в выставках, очень суетно это, да и машину я не вожу. Я просто делаю все для души, для родных и друзей. Делаю потому, что не могу это не делать: оно все живет внутри и требует выхода.

Из интернетных отзывов (сайт Мой мир):

– Не перестаю восхищаться... они действительно живые...

– Тамара, спасибо Вам! Работы удивительные! Хорошо, что мы их видим!

– Восторг души! Хочется смотреть и возвращаться вновь. Я думаю,

что каждый находит в этих образах свое, близкое по настроению...

– Томочка, а на кого же должны быть похожи твои куклы – ты же их мама!

И хотя Тамара редко сейчас возвращается к «авокадному материалу», я почему-то об этом жалею. Остался у меня образ в памяти. Сидит человек – ножичком режет по косточке – получают смешные рожицы или очень серьезные образы – разные. Потом косточка подсыхает, вернее, усыхает, минискульптурки становятся коричневыми, цвета дерева. И оживают, если направить на них лучик света. Сидит человек – о чем-то думает, мастерит, вне суеты и как будто вне времени. Хочется ему дойти до косточки, до сердцевинки, до самой сути.

*Глаза мои до времени поблекли
за баррикадами очков,
Но замок Солнца,
что творит душа,
они еще способны отразить.*

Мария Лакман

Я просто пишу...

У нас в гостях поэт,
редактор литературно-художественного
журнала «Истоки» – Сергей Прохоров

«Знакомясь с творчеством Сергея Прохорова, не могу скрыть своей радости по поводу открытия неординарного по таланту поэта, стихи которого не должны затеряться среди огромного книжного нала нынешней литературной безвкусицы и эротической многоголосицы, а займут достойное место в нашей современной отечественной словесности... Их тонкий лиризм и душевная искренность, объединенные глубокими философскими наблюдениями за жизнью, думаю, не оста-

вят равнодушными своих собеседников, а доставят им немало приятных, незабываемых минут от общения с прекрасной поэзией».

Владимир Корнилов, член МГП

Когда у Сергея Прохорова спрашивают: «Что вы думаете о своем творчестве и как его оцениваете?», – он отвечает: «Ничего не думаю и никак не оцениваю. Просто пишу, когда пишется. А оценивают пусть те, кто читает».

Стрекоза

Детство. Я маленький
На подоконник влезаю –
Мир, словно маятник
Маячит перед глазами.
То влево, то вправо
Вожу с удивленьем глаза –
В зеленой оправе
Парит над окном стрекоза.
.....
Большая – с мою ладошку
.....
Бьет крылышками по окошку.

В летний зной

А жара полуденная
всё сильнее и сильнее.
Словно дымкой подернута
вереница полей.
Вдоль дорога туманится
от резиновых шин
И от жажды, умаявшись,
воду пьют камыши.
За березовой рощицей
ждет косцов травостой.
Солнце в речке полощется
золотой наготой.

На покосе

Вжик-вжик, вжик-вжик! И падает трава,
Сраженная, как рать на бранном поле,
Не чувствуя ни горечи, ни боли,
Она уже не отцветет – мертва.
И лезвие притупится косы,
И запестреют травяные горы,
И у ромашек срезанные горла
Уже не выпьют утренней росы.
Косцы под вечер сядут у костра,
Чем Бог послал, и выпьют, и закусят.
А утром снова звонка и остра
Коса над шеей трав свой меч запустит.

Разговор с Душой

или предварительный диагноз

Настоящие зрители попадают на спектакль не только когда все билеты проданы, но и когда адрес театра в афише указан неверно!

1 октября 2011 года, в 15 часов 45 минут, у жилого дома по адресу Йоркштрассе 12 в Карлсруэ, Германия, собралась толпа зрителей, пришедших на творческий вечер поэта, режиссера и актрисы московского театра «КомедиантЪ» Ирины Егоровой. Толпа носилась по улице туда-сюда с целью отыскать место, где будет проходить указанный в афише творческий вечер. В поиски были вовлечены так же и местные немецкие жители дома, которые вынесли телефонные книги и с интересом листали их, разыскивая в родном городе неизвестное кафе «Глобус». Все это напоминало сцену окончания сеанса черной магии Воланда из романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита».

Когда Ирина Егорова в начале вечера рассказала, что театр «КомедиантЪ», ставящий свои спектакли в музей-квартире М. А. Булгакова, или «нехорошей квартире № 50», вовлекает зрителей в игру, и Ирина, играющая Аннушку, расталкивает алюминиевым тазом в коридоре коммунальной квартиры собравшихся зрителей, то я понял, что театр начинается не с вешалки, а значительно раньше. И наши поиски «места встречи» не что иное, как начало этого спектакля одного актера.

Ирина Егорова, как и большинство талантливых людей, родилась в Одессе, закончила ГИТИС и работала у режиссера Гончарова. Она уже давным-давно живет в Москве, но как сказал классик советского кино: «Если Вы родились в Одессе – то это навсегда!».

В 1999 году, вместе с основателем и художественным руководителем театра Аленой Чубаровой, Ирина организовала «КомедиантЪ» (с твердым знаком на конце) при благотворительном фонде «Фарватер» Валерия Золотухина. Театр ставит свои спектакли не только в «нехорошей квартире», но и в музее Маяковского, музее Общественных инициатив и на других театральных площадках Москвы.

Свой вечер Ирина начала с показа нескольких отрывков из моноспектакля театра «Homo Fortunatus» или «Человек Счастливый», чередуя их чтением стихов из своей новой книги «Место встреч параллельных прямых».

Из показанных отрывков мне запомнился разговор с собственной Душой (не путать с пьяным разговором «по душам»), где Душа ставит простые детские вопросы и заставляет над ними задуматься зрителей. Мне эта сцена напомнила спектакль, поставленный в год 200-летия со дня смерти Шиллера, на открытой поляне возле его дома в Марбахе. Гете и Шиллер разговаривают на небе и решают совершить «туристическую поездку» на Землю. Как и в театре «КомедиантЪ», исторические герои встречаются с современными людьми, задают им детские вопросы и самое интересное, конечно, несоответствие ответов современных людей – что делает их счастливыми, естественным ценностям 19 века.

Просмотрев репертуар театра «КомедиантЪ», я сделал еще одно открытие: театр много экспериментирует и делает действительно нестандартные театральные постановки. Слышу голос скептика: «Ах, какая невидаль – нестандартные постановки! Да можно поставить хоть телефонную книгу!» Отвечаю: все говорят, что можно поставить, но никто еще не поставил телефонную книгу города Москвы или Берлина. Правда, сразу вспомнился Римини Протокол, который поставил спектакль «Карл Маркс: Капитал, том1» специально с непрофессиональными актерами, играющими самих себя, и показанный в прошлом году в Москве. Это, конечно, самое трудное – сыграть самого себя!

Ирина Егорова играет саму себя и в спектакле «Человек Счастливый», и в своей книге стихов «Место встреч параллельных прямых». Она играет Женщину Ирину Егорову!

И тут я сделал третье открытие, что параллельными прямыми могут быть не только двое влюбленных из книги Ирины, но и зрители, которые приехали посмотреть и послушать Егорову из разных городов Германии, и только благодаря ее таланту пересеклись на спектакле. Как пишет в послесловии к книге Алена Чубарова: «Понимает ли она сама, что именно Она, а не какая-то точка в пространстве и во времени, и есть то самое заповедное место «встречи параллельных прямых»?

Думаю, что понимает! Иначе бы от ее стихов, в век общей озабоченности и печали, не исходило то «возмутительное счастье», которое не утаить.

Критик, пишущий статью о творчестве Художника, подо-бен доктору психиатрии: он должен прежде всего поставить правильный диагноз. Предварительный диагноз у Ирины Егоровой простой: «Любовь в тяжёлой форме!».

Симптомы заболевания: «Бескорыстно горели глаза» и «Я занята! Я счастьем занялась!»

Навязчивая мечта: «Я поняла! Мне нужен белый мамонт», «только – вписанный в Париж...»

*«Мы лежим, прильнув как можно ближе,
Я в Москве лежу, а ты – в Париже».*

*«Врут, что любовь рассудочней с годами,
Вот затопила – и не усмиришь...
И, распластав себя над городами,
Сцепились мы мостом Москва – Париж».*

Ирина Егорова, конечно, не первая, кто сцепился мостом Москва – Париж. Сто лет назад в начале 20 века подобный мост был установлен между Анной Ахматовой и Амедео Модильяни: он нарисовал ее, а она ответила стихами.

*«Мне с тобою пьяным весело –
Смысла нет в твоих рассказах.
Осень ранняя развесила
Флаги желтые на вязах.
Оба мы в страну обманную
Забрели и горько каемся,
Но зачем улыбкой странную
И застывшей улыбаемся?
Мы хотели муки жальщей
Вместо счастья безмятежного...
Не покину я товарища
И беспутного и нежного».*

Чувствуете разницу между двумя мостами: Анна Ахматова хочет «муки жальщей вместо счастья безмятежного», а Ирина Егорова пьет «счастье в бесконечно малых дозах» и «умножает время на прирост Души».

Раз уж разговор зашел о Париже, требующем, по меткому выражению А. Контуша, «женского рода в своем родном французском», то Женщина и проступает в книге:

*«Душа – на вырост. Все на вынос...
Как чудо-меленка – коржи,
Творю я Божию повинность –
Любя, возделываю жизнь».*

Что же является причиной этого тяжелого заболевания?

Ответ доктора: «Умение Души летать, умение подняться над собой».

Имеется ли к этому генетическая предрасположенность?

Ответ доктора:

«Да, имеется! Отец Ирины – художник Юрий Егоров».

Возможные последствия заболевания:

*«А может, умереть такой счастливой,
Какой еще никто не умирал!..»*

Может быть, лучшим и наиболее глубоким в книге является короткое эссе об отце и стихи «Памяти папы».

*«Ты мне оставил это детство, –
Все набекрень, все колесом...
И драгоценное наследство –
Наборы ген и хромосом».*

Юрий Егоров – художник-шестидесятник, самобытный талант, «нашедший пластический образ юга». Как верно подметила искусствовед Ольга Савицкая, «время егоровских картин – это ВРЕМЯ ПОЛЕТА НАД МОРЕМ».

Вот и замкнулся круг: отец рисовал «время полета над морем», а дочь летает «во сне и наяву», как Чайка Ричарда Баха, по имени Джонатан Ливингстон. Вот оно и проявилось «драгоценное наследство – наборы ген и хромосом».

Завершая небольшое исследование творчества Ирины Егоровой, мы не избежали греха «в конце концов не власть, как в ересь, в неслыханную простоту»: Каждый человек является местом встречи параллельных прямых.

И написав книгу о себе, Ирина написала, в сущности, книгу о нас. Такая удача бывает не часто. Говоря словами любимого автором А. Контуша, «Реже, чем однажды, но чаще, чем никогда». А если уж совсем коротко, то творчество Ирины Егоровой можно объяснить двумя афоризмами мифического философа Козьмы Прутоква: «Зри в корни!» и «Хочешь быть счастливым – будь им!»

Марк Яковлев

Для оформления использованы фотографии

В. Старшенко: На творческом вечере;

Г. Волина: Сцена из спектакля театра «КомедиантЪ» «Садовая 10, далее – везде».

Слово — как свидетельство Души

У нас в гостях поэт, член МГП, Вита Пшеничная

Родом я из Владивостока, где прожила самые счастливые годы Детства. Далее и поныне живу в Пскове. Первые опыты стихов случились в 11 лет, из-за чего часто перепадало на уроках – смотрела не на учителя, а в окно, думая, разумеется, совсем не об изучаемом предмете. Опыты наблюдений за людьми и Природой затянулись и к окончанию школы педагоги смирились с моим «отсутствием присутствия», но признали за мной право на это после чтения моих сочинений «на свободную тему». А закрепившийся за мной на долгие шесть лет статус «белой вороны» как-то незаметно переключал, видимо, к кому-то другому, еще не научившемуся защищать себя.

Первый опыт публикации – детский лепет! – случился в 17 лет.

Умудрившись за короткий временной отрезок бросить два института и сменить – где я только не работала! – шесть или семь рабочих мест, не забыв по ходу наломать дров в личной жизни, дважды провалившись во ВГИК, поступила и закончила местное культпросветучилище, где к выпуску и остепенилась.

Влюбилась, родила дочь... Поступила в педагогический институт, параллельно оставшись без работы.

А стихи продолжали ненавязчиво появляться и однажды «дружно попросились» собраться под одной обложкой, хотя бы маленькой книги. «Попросились» негромко, но крайне

настойчиво. Книжка появилась в 2002 году под названием «Впервые так...», благодаря, нет, не спонсорам, их не нашлось, но моей хронической упрямости в задуманном и неожиданной возможности подработать. А в 2003 году при поддержке местного отделения СП России вышел второй сборник «Соленая палитра». Следующих ждать сложно – нет средств. Да я и не жду, просто живу и все.

В 2004 г. была принята в Союз писателей России, перед которым благоговела и трепетала все разумное детство и отрочество. Разочарование оказалось болезненным и неожиданным. Дело даже не в отсутствии какой-либо защиты и поддержки Союза, а в том, что он стал более смахивать на проходной двор. Может, потому и столь неавторитетен ныне, хоть и не перевелись еще те, кто мечтает в него вступить.

Уверена, дело не в званиях, не в принадлежности к тому или иному «союзу», не в финансовой независимости и неограниченности, а в степени таланта человека и его преданности Слову. Слову – как свидетельству Души, как озвученной эмоции на то, что происходит вокруг и внутри. Без этого – не бывает ни стихов, ни прозы.

Самым важным в творчестве считаю именно возможность «выговорить себя и свое», потому что человек – один из многих, и многие услышат его.

Я все-таки верю в это, иначе как оставаться оптимистом в этом диковатом мире?

В одиночку

Ума бы хоть на полпалаты
Моей униженной стране,
Как существуют люди в ней
На нищие свои зарплаты?!
И не боятся ни любить,
Ни песен петь, ни в прах ругаться?
Ни самопалку с горя пить,
Чтоб до беспамьяства добраться –
И сдохнуть, если повезет
Иль снова получить отсрочку...
Но выживает в одиночку
Мой обесточенный народ...
Как после жесточайшей битвы
Он иссечен, изранен весь...
А Небо слушает молитвы
Страны-палаты номер шесть...

Чиновникам

Нынче не в почете донкихотство,
Мельниц по Руси зато не счесть,
Тянет лямку нищего сиротства
Мой народ, который я – и есть.

Только на себя одна надёга,
Будто впрямь рождён ты просто так,
В Храм войдешь, попросишь сил у Бога,
У ворот пьянчужкам дашь пятак,

И пойдешь не солоно хлебавши
По околю, чтобы заодно
На обезображенные башни
Не смотреть... Но смотришь все равно.

А на фоне роскоши и скотства,
Что продолжит множиться и цвести,
Пожинает нищее сиротство
Мой народ, который я – и есть...

Перед сном

С обложки хитро смотрит Алладин,
Соседствуя на книжной полке с Блоком...
Ну вот, и день прошел. Еще один
Из череды не встретившихся с Богом.

Все некогда, все второпях, бегом...
Причин – что тех снегов в полях – по пояс;
Не стать бы самому себе врагом...
Туда ль иду? О том ли беспокоюсь?..

По мне ли ноша, неужель бескрыл?
Да жив ли сам? Наверно – жив, покуда
Душа моя не выбилась из сил
И, как ребенок, верит. Верит в Чудо...

«Невыносимая» прелесть Подола

Оглянись, прохожий! Оглянись на свою молодость. Неужели Интернет и мобильная жизнь вытеснили навсегда из нас ностальгию по маленьким улочкам, уюту заросших зеленью дворишков? И Киев, «Мать городов русских», на глазах превращается в хищный мегаполис, протягивающий когтистые лапы к остаткам старины?

В своих произведениях я часто упоминаю Подол. Это не случайно. Всю свою сознательную жизнь прожила в Липках, а гулять отправлялась только на Подол. Для меня эта часть города – особая. Путешествуя вместе с героями литературных произведений по Алексеевскому спуску (Андреевскому), посещая Крестовоздвиженскую церковь, урочище Гончары-Кожемяки, я попадала в особый мистический мир доисторического Киева. Невероятных историй о Подоле много, сказочно много.

В районе Бабиного Торжка сожгли себя волхвы, проклиная Киев на века, а он каким-то чудом уцелел. На месте Андреевской церкви водрузил свой крест Андрей Первозванный со словами «Яко на сих горах да воссияет благодать Божья!», здесь находилась княжеская резиденция и еще столько всего, что, как говорится, ни в сказке сказать, ни пером описать.

Особое место в моей жизни занимают подольские дворники, которые уже на грани исчезновения и забвения. И, чудом сохранившись, они старательно оберегают многовековые тайны, приоткрывая пытливому взору то чудную женскую головку с барельефа, то замечательный киевский булыжник, воспетый писателями и современниками.

Мой Подол – Подол семидесятых. Я отлично помню площадь,

окружавшую Житний рынок с нежными деревянными постройками и людской разноголосицей. Летний разомлевший от солнца Подол – особая тема. Из подольских окон не неслась игра на фортепиано, не виднелись тонкие кружевные занавеси, раздуваемые ветром. Зато здесь самым невероятным образом смешивались гоготанье гусей с протяжными криками точильщиков, разноголосый шум толпы с лязгом и перезвоном многочисленных трамваев. Кстати, точильщики в семидесятых еще ходили по киевским улицам. А на рынках предлагали особые иглы для вышивания мохнатых подушек. Липкие пахучие леденцы сами просились в рот. Детское внимание привлекали убогие люди, калеки, нищие с бельмом на глазу, которые невероятно ловко отыскивали в толпе сердобольные сердца и тут же цепко впивались в руку. Нижний город был суетлив, шумен и всегда припорошен пылью. Если хотелось взглянуть на Подол с высоты, необходимо было отправиться на Пейзажную аллею, откуда просматривалось урочище Гончары-Кожемяки, бывший уголок киевских рабочих кварталов. Вся эта сказочная местность появилась еще со времен Киевской Руси и просуществовала до начала 19 века. Спускаясь к урочищу по улице Ладо Кецховели, вы постепенно, шаг за шагом, погружались в урочище, стиснутое холмами. Огромные свирепые крысы, пробегающие мимо, не могли остановить настоящего исследователя. Зачем человек отправлялся на Подол? За впечатлениями. Это был, да и есть пока еще, музей под открытым небом. Эта местность хорошо известна в связи с легендой о былинном герое Ки-

рилле Кожемяке, который спас киевлян от змея.

Поселение ремесленников создавало здесь особую атмосферу древнего уголка столицы, даже названия улиц Дегтярная, Кожемяцкая и Гончарная легко перемещали вас в город ремесленников. Венцом и украшением квартала было, несомненно, здание Крестовоздвиженской церкви, в которой крестили Булгакова. На дороге частенько можно было найти то старинную сковородку, приблизительно такую, на которой готовили яичницу со шкварками родственники Прони Прокоповны, то чугунный котелок, то утюг. Подол, как широкая женская юбка, заметал под себя древности и артефакты древних веков.

Чудом сохранившийся план указывает на плотную застройку урочища. Примечательно, что планировка улиц с 1695 года не изменилась. Даже знаменитый пожар в начале 19 века, не тронул урочище, расположенного между киевскими холмами – Замковой, Дегтяркой и Старокиевской. Двух и трехэтажные домики с маленькими дворишками объединяли под одной крышей людей разных национальностей. Старожилы рассказывали, как плотно сдвигались столы на праздники во дворах. Как вместе за столом ели и пили евреи, поляки, татары, армяне, украинцы и русские. Здесь отмечали Пасху православную, и Пасху еврейскую, а на Рамадан щедро угощали пловом. Как жаль, что я уже не застала это время. На мою долю выпали обрывки воспоминаний из славной подольской летописи до большого переселения в более благоустроенные районы.

Опустевшие дома-гнезда поражали мое воображение развороченными стенами, кривыми проваленными углами и пустыми «глазницами» оконных проемов. Урочище умирало, но, как могло, сопротивлялось смерти. В середине семидесятых оно превратилось в огромное уродливое бельмо на фоне новых построек и зданий. Появились бомжи и бродяги, многочисленные пожары наступали на старую жизнь, урочище зарастало, превращаясь в пустырь. И все это имело свой неповторимый запах. Казалось, что время и пространство застывало в определенной точке, ты мог вписаться, а мог и не вписаться в подольскую жизнь. Такой резкий переход из Верхнего города в Нижний сопровождался кардинальной сменой декораций. Рафинированная

«центровая» публика менялась на демократичную – подольскую. На Подоле все было проще и незатейливее. Запах пирожков с ливером распространялся далеко за пределы Красной площади (название центральной площади Подола с 16-го столетия). Старожилы специально приезжали сюда поесть пирожков, полакомиться базарным творожком и домашними соленьями. К сожалению, церкви не функционировали, вся жизнь бурлила вокруг Житнего рынка, где главными участниками событий были торговцы снеди и галантерейных товаров. Создавалось впечатление, что люди стремились побродить в толчее, отвлекаясь от проблем Верхнего города.

Когда-то Осип Манделъштам писал о том, что мечтает побы-

вать в городе, где Крещатик переходит в Арбат, а Сумская улица воссоединяется с Литейным проспектом. Поэту хотелось, чтобы любимые места города соединились и радовали душу. Так и для меня Подол семидесятых плавно перешел в Подол девяностых, а потом вдруг стал претендовать на место элитного массива, да и стал им... Теперь новый Подол украшают вновь отстроенные церкви Богородицы Пирогощей, церкви на Почтовой площади, возле Флоровского монастыря суетятся монашки. А я иду, влюбленная в собственное детство, и только память напоминает о том, каким ты был когда-то... МОЙ Подол!

Татьяна Рутенко, член МГП

Как перестать писать и начать жить

Замысел этой акварели у автора этой же статьи родился с тех самых пор, когда он 16 лет назад лежал полуголый на пустой кровати и придумывал себе псевдоним.

В наш курьезный век стать писателями не стремятся разве что поэты. С изобретением Интернета у каждого московского выскочки появился шанс выплеснуть свои психокомплексы и прославиться от Амура до Ужгорода. Повальная писанина захватила не только весь мир, но и мозги политиков, ученых, конькобежцев и крысоловов: теперь у каждой фотомодели изо рта свисает перфолента. Пишут все – не только ленивые за тунеядцев, но и грибы за Пелевина. И, между прочим, чтобы изготовить одну электронную книгу, нужно изгадить несколько гектаров леса химической промышленностью, вырабатывающей ваши любимые высокие технологии.

Поэтому головы зеленых возмущенно трепещутся, а наши уши трепетно возмущаются: КОГДА ЖЕ РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК ПЕРЕСТАНЕТ ПИСАТЬ?!

Поначалу мы вам откроем смешную тайну, почему же все люди стремятся подсесть на перо. Оказывается, нас начинают зомбировать еще в яслях: читать, считать... и писать! Это необходимые навыки существования в социуме: прочитать, сколько ты должен государству, сосчитать сумму и написать благодарное письмо президенту. Заметьте: нас не учат в обязательном порядке ни играть на скрипке, ни выпевать колоратуры, ни рисовать гризайлью. И человечек с детства впитывает в себя дилемму: стать ли ему математиком (ученым) или писателем (великим, конечно – благо примеров чистый пруд пруди). Становиться великим читателем никто почему-то не хочет (наверно, потому, что за это не платят много денег, и лица великих читателей не вешают на всех углах).

Растет наш малыш, вкушает русский язык и литературу по пять раз в неделю, потихоньку начинает понимать, что великих ученых в мире гораздо меньше, чем их жертв, зато библиотеки трещат по швам от продукции тех, кого когда-то широко признали. «И эта нудятина и есть шедевр мировой классики? – возмущается наш неокрепший маргинал. – Да я в сто раз лучше напишу!» А потом наш малыш открывает собрание сочинений Дарьи Донцовой и понимает, что Шолохов по сравнению с ней – агнец непорочный.

И к 16 годам в окрепшем гормональном организме формируется катастрофическая идея: писать – легко, пишут все, памятники писателям – куда не плюнь, и самое главное – ради этого не надо учиться играть на скрипке!!!

После этого у наших страдающих по ручке телоумов есть две неравноценные возможности, каждая из которых редьки не слаще. Первая: в надежде обрести ксиву, подтверждающую писательский талант на международном уровне, юный прохвост голой грудью бросается

на баррикады литинститута. И вторая: в надежде обрести славу и успех быстрее, чем ксиву, юная леди голыми руками бросается на тетрадку. Вернее, на файлы Microsoft word.

И спустя пять с половиной лет обе возможности приводят человечка туда, откуда он благополучно стартовал: на руины собственного мировосприятия. Однако есть одно важное изменение: если раньше он был никем и хотел писать ради чего-то большего, высшего, меньшего или низшего, то теперь он и читает, и считает себя ПИСАТЕЛЕМ (благо, читать и считать пока не разучился). И уж теперь-то он тем более уверен, что до славы – ногой поддать, а до гаррипоттеровских гонораров осталось несколько скандальных постов в ЖЖ. Как говорится, увяз коготок, а с ним и вся внутренняя годзилла.

Вот такая история, случающаяся с каждым из нас ежедневно. Перинатальный ужас, который испытывает здравомыслящий покупатель при посещении книжного магазина, сравним разве что со страхом выпадающего из гнезда кукушонка. Книги, книги, книги, книги, книги. С каждым годом их количество растет как вобла на дрожжах, а качество падает ниц. Закрываются магазины, банкротятся торговые сети, редакторы матерят обилие графомании, директора издательств испуганно отнекиваются от собственной работы – и при всем при этом книжный рынок пухнет и пухнет, будто прыщ на пятачке. А тут еще кризис, шило ему в стог сена – удобный повод хапнуть бабла и разогнать к едрене фене подопечную лавочку. Ну, или в крайнем случае, не платить авторам гонорары по полтора года.

И при всем при этом количество пишущих не ослабевает, зато количество живущих очень сильно редееет, ибо люди постепенно превращаются в собственные тетрадки. И, по читательским наблюдениям, не пишет-

ся ничего существующего, потому что каждая выходящая книга представляет собой интеллектуальную компиляцию предыдущих: чем больше писателя в книге, тем меньше в ней может быть нового. А ПИСАТЕЛЯ нынче не меньше, чем ПИСАТЕЛЕЙ, уж поверьте полкам в магазинах!

Посему пора прекращать весь этот английский бардак, и наши советы вам немедленно помогут: если вы уже погрязли, то скорее хватйтесь за соломинку, а если вы еще дитя малое, то скорее выплюньте бяку и не несите в рот то, что плохо валяется. Итак... вот те библейские истины, ради которых вы терпели всю вышестоящую ересь.

10 радикальных способов бросить писать и начать жить

Немедленно бросьте читать. Чтение и письмо – как питье кока-колы – чем больше поглощаешь, тем больше хочется выплеснуть.

Обращтесь, родите ребенка, разведитесь и оставьте ребенка себе. Отбивает охоту к писательству на три года. По их прошествии – повторите последовательность действий.

Запишитесь на курсы анонимных писателей. Посещать их не надо: самоощущение себя писателем без имени на обложке быстро перестроит ваши хромосомы на молекулярном уровне в правильную последовательность.

Станьте редактором. Да, читать при этом придется в десять раз больше – однако с каждой прочитанной рукописью писать вы будете все хуже и хуже, и лет через пять разучитесь окончательно.

Понаблюдайте за белкой в лесу. Она счастлива, и она при этом ничего не пишет. Способ рекомендуется тем, на кого предыдущие четыре не подействовали.

Заклучите с самим собой пари: я не буду писать до тех пор, пока опять не начну. Если выиграете – пообещайте больше не писать. Проиграете – заключите это пари еще раз.

Отформатируйте диск со своими рукописями и начните писать об этом книгу. На втором абзаце вы просветлеете.

Наймите секретаршу. Лучше всего – любовницу и посудомойку в одном флаконе. Если же вы девушка – ничего, привыкнете, иногда и мальчики не против попечатать за красивые глазки. В обоих случаях вы больше не будете писать, зато научитесь изящно диктовать.

Наймите литературных негров (способ рекомендуется тем, на кого не подействовал предыдущий). Сперва можно нанять негрятянку-секретаршу. В любом случае, они будут писать или диктовать за вас, ну, или наймут себе того, кто будет писать за них. А те, в свою очередь, тоже наймут, прочитав наши указания. Таким образом, мы изживем всех писателей в Африке как социальный класс.

Понаблюдайте за писателем. Он несчастен, и он должен писать. И ему никогда не стать белкой...

Если же наши десять радикальных способов не возымели успеха, то попробуйте нижеследующие десять неправильных – жизнь настолько парадоксальна, что иногда и обезьяна взрывается вместо гранаты.

10 неправильных способов перестать считать себя автором

Изучите даосизм. Его основной постулат нельзя понять: то, что называется автором, перестает им являться в момент называния. Чем больше вы изучите даосизм, тем меньше начнете его понимать.

Придумайте себе дебильный псевдоним; в крайнем случае, возьмите девичью фамилию кота и имя троюродного племянника врага вашего детства. Способ не работает при смене псевдонима реже чем раз в неделю.

Выкуривайте сигарету после каждой написанной страницы первые три дня. Затем, следующие три дня – после каждого написанного абзаца. Затем – после каждой строчки. Затем – после каждой буквы. Затем – вместо открытия файла Microsoft word. Через 15 дней вы бросите и курить, и писать.

Примкните к ролевому движению: возьмите швабру, наденьте на голову дуршлаг, оттяните уши и дуйте в Эгладор. После этого писанины из ваших уст польется на порядок больше – однако писать будете НЕ ВЫ.

Попросите знакомого писателя написать книгу про то, как вы решили бросить писать. Успех гарантирован, если вы и этот писатель – три разных человека.

Займитесь устройством личной жизни и реализуйте биологические потребности: покушайте, помойтесь, отоспитесь, займитесь сексом, посадите дерево, понаблюдайте за белкой.

Обратитесь за помощью к знакомому редактору. Напишите книгу о его нелегкой судьбе. На второй странице вы просветлеете.

Откройте собственное издательство и назовите его «Сладкий укус». Тысячи писателей скажут вам «спасибо», десятки тысяч проклянут, а сотни тысяч ими не станут.

Если вы пишете художку – начните писать прикладушку. Если пишете нон-фикшен – немедленно садитесь за роман. Конфликт мозга и рук сведет вас с ума в ближайшие десять дней, после чего переходите к способу шесть из этого списка.

Пишите свое имя везде, где только можно: на конфетных фантиках, на макушках лысых подчиненных, на стенах троллейбусов, на чужих книгах. Соревнуйтесь: первый день – 100 имен, каждый последующий – на 20 больше. Подключите к этому знакомых читателей: пусть тоже везде пишут ваше имя. Это самый лучший способ из всех, пусть и самый неправильный из возможных.

Каждую секунду в мире рождается три человека. Каждый пятый из них – китаец, и каждый восьмой через двадцать лет станет писателем. Такова статистика, и поэтому мы очень надеемся, что через девять месяцев после прочтения этой статьи в мире станет на одного китайца больше.

До скорых встреч на книжных полках, друзья!

Алексей Самойлов, член МГП

ПОЭТИЧЕСКИЙ САЛОН

Наши души

Тиски смерти сжимают сердце
Так больно, что невозможно терпеть.
Вот-вот из мрака к свету откроется дверца
И должен будешь ты умереть.

Умереть ли на самом деле,
Может, новую жизнь начать?
Душа наша в новом теле
Вечную жизнь будет вновь продолжать.

Будто жил, будто не жил,
Будто белым снегом в полёте кружил.
Падал на землю и вновь поднимался,
В себе замыкался, но не сдавался.

Песню допеть вечно спешил –
Ведь жаль на полслове
Уходить, держа в изготове
Последний недопетый мотив.

Но, если жил ты человеком –
Не существом на двух ногах,
То путь твой не закончится веком –
Продолжаться будет еще в веках.

Такие люди, чьи души будут
Строить жизнь в других мирах
Бессмертными вечно будут –
Их не возьмет ни смерть, ни прах.

Пусть умерли здесь мы, но мы живы,
Так как где-то очень нужны мы –
Новые жизни на планетах вселенной
Продолжением будут жизни нетленной.

Кому-то нужен надежный, честный,
Для человечества очень лестный,
Уважительный и бесконечный
Жизненный путь доброй души.

Мы не даем пустых обещаний
И никому не вредим на прощанье,
Мы не обманем, не согрешим –
Честно исполним все, что решим.

Верьте нам люди, верьте боги,
Наши души вечно в дороге.
Мы куда-то вечно спешим
Потому что везде мы очень нужны.

Михаил Бяутин

Я каждый миг благословлю

Я каждый миг благословлю
Своей безумной жизни все,
За то, что я тебя люблю,
За то, что любишь ты другую,
За то, что ты сейчас – со мной,
За то, что ты когда-то – не был,
За то, что есть над головой
Непредсказуемое небо,
За то, что я могу мечтать,
И за несбыточность желаний,
За то, что есть, что вспоминать,
И за тоску воспоминаний,
За то, что тяжела стезя,

За то, что я бреду уставшей,
За то, что рядом есть друзья,
И за людей, меня предавших,
За то, что у меня есть кров
И белоснежные одежды,
За то, что в сердце до сих пор
Ещё не умерла надежда,
За то, что светел божий лик,
Мне силы в храме подающий,
За то, что каждый в жизни миг
Не повторяет предыдущий.

Александра Крючкова

Я тебя жду

Помнишь,
когда мы простились до вечера,
было пятнадцать,
а сейчас уже двадцать два.
За окном светло, как днем,
и потому думаю, что еще
все те же пятнадцать.
Видимо белые ночи,
не смотря на растущую осень,
все еще правят балом.
Тебя нет дома. Волнуюсь.
Знаю,
что бесполезно проверять
морг и больницу,
звонить, вызывая милицию
на место, где мы простились,
поскольку нашего следа там уже нет,
да и если бы что-то случилось,
сама позвонила бы мне.
Приходи. Я жду тебя.
Ты слышишь?
Только скорее. Я очень жду.

Кирилл Тремаскин

ПОЭТИЧЕСКИЙ САЛОН

Ретроспектива сентябрьских слайдов

Я вспоминаю мокрую брусчатку,
Малюсеньких немецких городов...
Несмелый дождь, омыв её украдкой,
Исчезнет вновь, скрываясь от зонтов.

Шаги моей сентябрьской походки
Запомнили аллеи и мосты,
Где тоненькие черные колготки
Гуляли жадно, не боясь простыть...

Каштанов кроны помню золотые,
И расписные домиков фасады,
И облака над Рейном кружевные,
И Водопада Рейнского каскады...

Стихами и вина бокалом к ночи,
И ароматным кофе по утру,
Я развлекала сладостную очень,
Желанную, осеннюю хандру...

В пленительных тисках чужих угодий:
Сентябрь, Баден-Вюртемберг и я...
...я забывала честь отдать погоде,
И не спасалась бегством от дождя!..

Я доставала книгу по привычке,
И засекала сорок на часах
В неисправимо чистых электричках,
В неукротимо быстрых поездах...

Я Церкви Монастырской вспоминаю
Орган и стопки Нового Завета,
Где свечи в теплом воске утопают,
А витражи меняют краски света...

И это все – мои воспоминанья,
Укрывшиеся прошлым сентябрем...
Картинки о коротеньком свиданье
Со штутгартским ласкающим дождем...

...посвящается фестивалю
«Русский Stil-2010»

Вероника Венедикторова

Да! Я посмела!

Солнце мое! Путеводная нить!
Жизни суровой – награда!
Да! Я посмела! Вас! Полюбить!
С самого! Первого! Взгляда!

Зная заведомо: нет места! – мне! –
Все! – переполнены! – ниши! –
Буду!!! Звездой! В Вашем! Окне!
Бог! Я люблю его! Слышишь?

Чьи-то советы – в любви не указ!
Ах, не вздыхайте так снова!
Да! Я посмела! Влюбиться! В Вас!
С самого! Первого! Слова!

В час моего возвращенья в чертог –
Помните: Солнце – не плачет!
Сжалится, слушая исповедь, Бог –
Ангелом Вашим назначит...

Александра Крюčkова

Два голоса

Если на небе звезды,
Значит, за окном полночь,
Значит, за окном завтра,
Родившееся вчера.
Перебирая все то, что написано,
Я не спешу.
Не спешу
Жить под луной,
Купаться,
Находясь над водой
этой бурной реки,
Где голос мой
делится на два,
Созидая среду новой жизни...
Деление на два, вообще деление, –
Прививка школьных лет,
Вредная, как сладкое
в большом количестве.
Арифметика жизни –
Константа двух душ
за чаем поутру,
Два голоса –
меж ними равенство,
поскольку оба – часть меня.

Кирилл Трeмаскин

Теперь соболя не в моде...

Укутать озябшую душу
в густой соболиный мех...
Слушать, не слышать, – слушать,
ее сумасшедший смех...

Куриль неприкуренный «Данхел»,
смотреть, не видеть, – смотреть,
Налево, где спятивший ангел
с плеча норовит слететь...

Не чувствовать сердца удары,
которого, впрочем, нет...

Не помнить, как тротуары
плеснули фонарный свет...

Глотать подурневший кофе,
холодный, как пальцы рук...
И вспомнив шикарный профиль,
в рыданиях забиться вдруг...

Позволить окну открыться,
с рассветом прохладу лить,
От мыслей устав, забыться,
уснув, жадно память пить...

***

Все стихло, все замерло...
Душа отсмеялась вроде...
Теперь за окном светло...
Теперь соболя не в моде...

Вероника Венедикторова

Окаянная цензура рынка

Власть денег в культуре формирует не личность, а агрессивный желудок, не хор, а толпу

Размышляя о причинах забвения на многие сотни лет блистательного «Слова о полку Игореве», писатель и философ Василий Розанов в свое время воскликнул: «Не горе бы, если бы его уничтожили, вырвали, убили. Нет, произошло хуже: оно всем стало не нужно, не интересно. Грамотные жили, но его не читали. Списывали много, но его не списывали. «Не интересно! Не влечет!». Вот ужас, вот настоящий ужас: и сохранилось, завалилось, спаслось чудом всего два списка. Вообразите время, когда Пушкин станет до того неинтересным, что его сохранится всего два экземпляра в России... Вот это забвение! Вот это искоренение! Вот это цензура, своеохотная, с порывом к ней самих цензурируемых, подлинная, настоящая цензура, душевная цензура». (Розанов В. Около церковных стен. Спб., 1906, т. 1).

Могут сказать: да при чем тут цензура? Привычно понимать ее, как запрет или ограничение со стороны власти. Но если человек сам, без всякого стороннего понуждения отказывается приобрести и прочитать какую-либо книгу, откладывает ее напрочь со словами «не интересно, не влечет», то кто же тут выступает цензором? Да сам же и выступает, руководствуясь при этом какими-то внутренними мотивами и побуждениями, не всегда, быть может, и осознаваемыми. Не хотели люди древней Руси читать «Слово» — и что тут поделаешь? Станет Пушкин «не нужным, не интересным» — перестанут и его печатать. «Своеохотная, душевная цензура» может быть куда злее и беспощаднее государственной, без видимого внешнего вмешательства способна привести к оскудению духовного мира людей.

«...В роли властной инстанции выступает теперь не государство, а рынок, — пишет в «Литературной газете» известный деятель ельцинской поры Сергей Филатов. — И мы свидетели того, как жизнь, а точнее условия жизни, заставили многих литераторов, филологов быстро перекавалифицироваться в поставщиков коммерчески успешных фэнтези, детективов, а то и порнографических сочинений». Хорошо, рынок действует по закону удовлетворения спроса, но отчего спрос-то возник именно такой — на порно и примитив — а не на что-либо более достойное развитого человека? Кто формирует этот спрос и в каких целях? Для того, чтобы вместо прежних «фэнтези и детективов» не красовский мужик «Белинского и Гоголя с базара понес», потребовалась целая эпоха, культурная революция, в результате которой наша страна стала «самой читающей», причем всерьез читающей, то есть

книги умные, в первую очередь классиков и научно-познавательную литературу. Ныне же, по данным Центра Юрия Левады, 47 процентов взрослого населения России совсем не читает книг, а 55 процентов никогда их не покупает. Только ли интернет тому причиной?

В советские времена писатели назывались «инженерами человеческих душ» и пользовались всеобщим вниманием. О да, в том числе вниманием и «компетентных органов». К слову, в наши дни творцы культуры вспоминают о таких прецедентах как правило с большой охотой и с гордостью: это ли, мол, не признание значимости их творчества! Издатель и редактор зарубежного антисоветского журнала «Синтаксис» Мария Розанова как-то сказала, вспоминая своего мужа писателя Андрея Синявского (псевдоним — Абрам Терц), в свое время семь лет отсидевшего за диссидентскую деятельность: «Абрам Терц жил в счастливое время. Он жил, когда слово что-то стоило, за слово сажали. И это было большое благо. Что значит сажать за слово? Это значит, что правители хотели выглядеть лучше, и чтобы их любили, а если чье-то диссидентское слово их небесный облик или деяния подвергало сомнению — им от этого слова было больно. А сегодняшним все божья роса. Слово девальвировалось. Но зачем вам свобода слова, если оно ничего не стоит?». (И для чего цензура, если люди сами перестают читать? — добавил бы я).

Разумеется, никому не пожелаешь тюремного заключения, хотя бы и ради ревалюации слова. Розанова лишь напомнила в общем-то известную истину, что запреты, преследования и репрессии не так опасны для человеческого духа и его творческой воли, как подмена свободы наплевательским равнодушием, индивидуальности — обезличиванием, культуры — нивелирующей массовой.

Шлюзы для «средств массового духовного поражения», как называют попкульт, в нашей стране были открыты, напомню, одновременно с потоками спирта «Роял». И то, и другое являлось, как теперь представляется, условием успешного проведения приватизации, кланового присвоения национальных богатств и создания олигархического строя. Организаторы этих процессов прекрасно понимали: с помутненным разумом, расслабленной волей, отравленной душой, человек будет не в силах протестовать, организоваться, действовать. Вот почему «сложного человека», способного осознавать происходящее, хранителя исторической памяти, надлежало «упростить», реформатировать. Процесс передачи национальной собственности частным лицам, сосредоточения ее в руках не-

большой группы избранных, понятно, не мог ограничиться областью экономики, финансов, материального производства и обращения. Напрасно нас пытались уверить, что приватизирована, обращена в рынок будет только материальная сфера, духовная же сторона жизни, после отмены партийно-идеологического контроля, станет по-настоящему свободной, ни от кого не зависимой, плюралистичной. Это было заведомой ложью. Присвоив активы банков и предприятий, олигархия тут же постаралась взять под контроль прессу, театры, кинематографию, поставить себе на службу писателей, художников, композиторов, весь творческий и мыслящий мир. Примитивные вкусы народившейся рыночно-криминальной буржуазии стали диктовать моду в культуре, установили планку ее высоты и сложности.

Нельзя признать случайностью, что на телевидении и радио – а они по сути и определяют ныне духовный мир человека – сразу же, первоочередным порядком, была проведена жесткая зачистка от таких рудиментов прежней эпохи, как классическая литература и музыка. Пролеткультовский опыт «сбрасывания Пушкина с корабля современности» комиссарами рынка был повторен радикальнейшим образом. Приснопамятное «Лебединое озеро» августа 1991 года на ведущих телеканалах оказалось последним спектаклем классического репертуара. Страну залил мутный вал чернухи и похабщины, культивирования самых подлых инстинктов и темных суеверий, цинизма и мракобесия, бесконечного кривлянья эстрадных покемонов. «Каков народ, таковы и зрелища» – оправдывают свою политику телемагнаты. Но в лицемерном этом утверждении, вообще-то, все поставлено с ног на голову. «Человек есть то, что он ест». Потребитель дурноты неустанно возвращается и воспитывается все эти годы самим телевидением, эстрадой, рекламой, упорно внушающими населению: высокая культура – не для него. Между тем исследования ученых-биологов показали, что даже растения и животные предпочитают гармоничную музыку и не равнодушны к классике: при регулярном транслировании Моцарта и Гайдна у коров улучшается настроение, повышаются надои, а овощи и злаки растут быстрее. Но нас, видимо, считают ниже зелени, примитивнее жвачных. Тоталитаризм телевидения и многих программ радио выражается засильем одного, достаточно примитивного, художественного вкуса, одного культурного типа, для многих отвратительного. Идет «американизация» нашего культурного пространства, причем заполняется оно самыми худшими образцами, можно сказать, отбросами американской культуры. На месте госдепартамента США или хотя бы посольства в Москве, я бы выразил решительный протест против злостного искажения образа их страны в сознании россиян, приводящего к настроениям антиамериканизма.

Однако было бы наивным объяснять изгнание подлинной культуры с поля масс-медиа только невоспитанностью и дурновкусием их хозяев. Проблема намного серьезнее – она заключается в глубоком, коренном антагонизме идеологии «первоначального накопления» с традициями большого искусства, национальной классики. Народолюбие русских писателей, их внимание к «маленькому человеку», сочувствие «униженным и оскорб-

ленным» невозможно примирить с шоковой терапией и пропагандой лозунгов «больше наглости», «возьми от жизни все», «мы этого достойны». Нас целенаправленно отлучают от национального культурного наследия, от созданного классиками великого духовного пространства, чтобы сделать «простыми», то есть манипулируемыми, легко поддающимися внушениям, не способными на протест и сопротивление...

Отлучение людей от культуры по своим последствиям процесс даже более опасный, чем отстранение от собственности или от бесплатного здравоохранения. В исторической перспективе, в длительности времени, как известно, действует принцип верховенства духа над материей. Если человек, как и народ в целом, сохранил «душу живу», он еще может вернуть собственность, даже утраченные территории, заново накопить богатства. Восстановить же порушенные духовные традиции, поруганные святыни, нравственные ориентиры, свою национальную идентичность – дело почти безнадежное.

Не только на ТВ, но и в кинематографии, в театре и на эстраде, в книгоиздательстве нарастает прессинг «продюсерской цензуры», цензуры денег. При этом режиссеры политических и культовых массовок, продюсеры тотального дурмана продолжают твердить о толерантности, то есть терпимости к иным взглядам и вкусам. Однако их толерантность на удивление избирательна: лояльные и поощрительные ко всем видам пороков и уродств человеческих, они на дух не переносят напоминаний о нравственности, как черт от ладана бегут от твердых, осмысленных принципов, религиозного и даже просто граждански ответственного взгляда на жизнь.

...На вопрос «Нужна ли стране нравственная цензура?» отвечаю встречным вопросом: «А нужен ли человеку иммунитет?». С точки зрения холерных бацилл, конечно, не нужен. И даже опасен. Но организм-то борется с болезнью. И не перестанет до последней минуты дыхания.

*Геннадий Литвинцев,
дипломант Премии им. О. Бешенковской*

Письмо внуку в Германию

Здравствуй, дорогой внучок!

Внезапный уход из жизни твоего дедушки вызвал у меня острое чувство быстротечности бытия. Твой дед, Валерий Александрович Козлов, был удивительным человеком. Хорошо знал русский язык, неплохо владел английским. Любил юмор, часто цитировал Козьму Пруткову, Остапа Бендера. Был по натуре романтиком, обладал тактом, был добрым человеком.

Когда мы учились в Раевской театральной студии, на пятой дачной, во дворце «Мир» г. Саратова, узнав, что мне нравятся новомодные игрушки того времени из поролонка, он тайком отправился на товарняке в Москву, чем вызвал переполох и в студии, и в своей семье. Отец и мать его, Александр Илларионович и Феоктиста Федоровна, даже приезжали в студию посмотреть на девицу, ради которой их сын совершил такой вояж.

Студия для нас с дедом была точкой отсчета нашей жизни. Мы были самыми молодыми, к нам относились бережно. Нас называли Ромео и Джульетта. Мы были главной влюбленной парой в студии. Видимо, глядя на нас, они оберегали отголоски собственных чувств. Нам льстило такое отношение старших товарищей. Когда была наша свадьба, а она проходила во дворце, студийцы, во главе с директором Ефимом Семеновичем Нейманом и нашим руководителем Владимиром Николаевичем Раевым, устроили для нас настоящий праздник. Студия была на третьем этаже – на лестнице, ведущей вверх, стояли наши ребята, держа в руках по цветку. Звучала музыка, первый концерт П. И. Чайковского. Когда мы вошли в холл студии, в руках у нас с Валерой были по букету алых и белых гвоздик. В холле нас ждал еще сюрприз: набор немецкой мебели, два кресла и журнальный столик (они до сих пор стоят у меня в комнате) – шикарный подарок по тем временам. Нас усадили в кресла перед выгороженной сценой, в середине которой висел наш будущий семейный герб – крылья и рога. Почему? Фамилии у нас были Орлова и Козлов. Все было сделано с юмором и любовью. Каждый этот герб понимал по-своему. Мы – так: рога нам даны отбиваться от всего пошлого, а крылья – летать и парить над землей. А еще по стенам были развешаны плакаты, два из них запомнились: «Дети есть дети....» – фраза из пьесы Эд. де Филиппо «Брак по-итальянски», в которой дед играл Доменико, с ним репетировала сама Цецилия Львовна Мансурова, и – «Любовь зла, полюбишь и коз.....». На полу были разбросаны кленовые листья. Они были всюду: в танцзале, в холле, в учебном классе, – везде висели гирлянды из этих листьев. Была осень, сентябрь. Все было золотое, солнечное. Может, поэтому люблю желтый цвет и осень.

На протяжении всей жизни твой дед всегда что-нибудь придумывал, чтобы наши отношения не померкли в быту. То назначит мне свидание, то сочинит стихи, то как-то, перед 8-ым марта, мужчины в театре поспорили, кто придумает лучший подарок своей женщине. Конечно, твой дед был победителем, он преподнес мне конверт, в котором был билет на самолет в Москву, в театр «Сатиры», на спектакль «Доходное место» режиссера Марка Захарова. Каким образом он это сделал – уму непостижимо. В Ленинграде выставка С. Рериха – мы там, в Москве – французские импрессионисты, мы уже в музее А. С. Пушкина. Приезжает из Италии великая актриса Маньяни – и мы смотрим в Малом театре «Волчицу» с ее участием; греческая актриса Папата-насиу в «Медее», в театре им. В. Маяковского, – смотрим. Это твоему деду я обязана своей учебой в Москве, в ГИТИСе. Я сопроводивлялась. Он настоял. До сих пор благодарна ему за это. Невозможно забыть своих замечательных педагогов – Л. Чафранову, Ю. Кагарлицкого, А. Борташевича, И. Дюшена, Н. Козлянинову, да разве всех перечислишь.

Дед был, по сути, артистом, обреченным на маленькую судьбу. Может, оттого и пил, особенно в последние годы, и от этого никуда не денешься. Проститься с ним пришло много людей.

Почему-то представляю тебя взрослым. Представляю, как ты перебираешь старые фотографии, перечитываешь мои записки. Что же, человек возвращается иногда к своим истокам. Что он ищет в них? Какие ответы? Что его волнует? Прошлое? Откуда он родом? Почерпнуть в этом силы или проверить их? Или просто вспомнить очень близких людей, которые дарили тебе нежность, доброту, любовь? Бескорыстно. Не требуя ничего взамен. В детстве ты хотел быть конструктором новейших машин, как твоя мама – «опердцированным» врачом, т. е. хирургом, а стала менеджером в известной не только в Германии, но и во многих странах, фирме «Кристенсен», знает несколько языков. Может, и ты не конструктор, а юрист, биолог, учитель, врач или артист? Неважно, какая у тебя профессия, главное, чтобы она была любимая, приносила радость. Есть человеческая, творческая поэзия и в повседневном труде. Ты крепко стоишь на ногах? Я рада за тебя.

Человек рождается со Светом, Добром и Любовью. Но жизнь – жестокое испытание, и в ней чаще всего встречаешься с грязью человеческих проявлений. Как устоять? Как сохранить себя в этих испытаниях? Как не заглушить в себе то светлое и радостное, чем одарила тебя природа, Бог? В жизни всякое бывает, и хорошее, и плохое. Память хранит все. Нет-нет, да вспыхнет в ней то, от чего становится не по

себе. Тогда говоришь себе: «ты теряешь что-то сокровенное, что-то очень важное, что помогает тебе во всем – в работе, в семье, в любви. Остановись. И если действительно в какой-то момент приходят эти мысли, значит, не все потеряно, значит, ты действительно жива, и способна отличить хорошее от дурного. Я пишу об этом, потому что не всегда достойно ведешь себя в жизненных ситуациях. Когда понимаешь это, становится горько. Есть такое выражение – умеи держать удар. Бойся предать себя, убить душу свою. Я говорю о нравственном убийстве. Пасть легче, возродиться тяжелее. Поэтому так хочется предупредить тебя, мой внук, о возможных ошибках на твоём пути. Важно, чтобы в приобретении жизненного опыта ты не терял тот свет, который тебе дан. В жизни люди борются за все: за существование, за свою карьеру, за богатство. Часто жадность и зависть заставляют их забывать лучшую часть своей души, про верность себе. И они не только предают себя, но и близких людей. Жадные и завистливые люди – страшные люди по силе разрушения, и себя, и окружающих. Беги от таких людей, если нет иной защиты от них. К таким мыслям приходишь гораздо позднее, после прожитых лет. Я ведь не всегда была такой взрослой. Моя жизнь и жизнь твоей мамы связаны одной нитью – это путь к тебе. Сложный, не совсем, может быть, прекрасный, но путь к тебе, нашему чистоглазнику, которому придется открывать мир во всех проявлениях. Ты часто меня называл лучшей бабушкой в мире. Наверное, все бабушки – лучшие в мире. Но у меня от этого внутри разливалось тепло. Как хотелось в тот миг приблизить тебя к себе, рассказать, что и я когда-то была такой же маленькой, как ты. Вот я и решила написать о себе и этим сократить временное расстояние, разделяющее нас.

Я родилась в машине. Мама приехала на последнем месяце к отцу, который строил дорогу недалеко от саратовского моста, соединяющего правый берег с левым. Стратегический мост. В войну его бомбили, но ни разу не попали в него. Неожиданно у мамы начались схватки. Папа на машине повез ее в Саратов, но я так торопилась появиться на этом свете, что они не доехали до Саратова – пришлось остановиться в селе Багаевка, там я и родилась. Так что, Саратов, Парсамовский роддом, где родились мои брат и сестра, не дождался меня. У меня два дня рождения. 21-ое марта и 25-ое марта. Папа, перед отправлением на фронт, при оформлении моего свидетельства о рождении, перепутал числа. Так что в семье нашей отмечались обе даты моего рождения.

Мое детство прошло в поселке «Водник» за Увеком, в шести километрах от Саратова, где твой прадед, Виктор Иванович Орлов, строил свою последнюю дорогу перед войной. Он был отличный механик, заведовал всеми машинами на строительстве. Мог про проезжающую машину сказать, сколько км она пройдет, и из-за чего она остановится. Мое детство прошло в этом поселке. Представь себе девочку, вместе с мальчишками, совершающую набеги на сады, бахчи – с набитыми гайками, гвоздями, разной железной мелочью, карманами. Маме моей – твоей прабабушке, Матрене Алексеевне, эти железки надоели, и она зашила все карманы в моей одежде! Не помогло. Мне и с зашитыми карманами легко бегалось по родимой саратовской сторонке. Детство мое мало чем отличалось от детства других детей довоенного и послевоенного времени.

А еще бегали мы в поле в поисках сладких корешков соловьиного корня, дикого лука, чеснока, щавеля. И в посадки. Там – вкусные цветы акаций и маленькие серебристые фи-

ники, растущие гроздьями на ветках серебристого кустарника. Мы многого были лишены. Конфеты, например, для нас были райским лакомством. Поэтому, когда моя бабушка, Евдокия Никитична, твоя прапрабабушка, приходила из города, разворачивала кулечек, спрятанный в узелок, мы, затаив дыхание, следили за ее руками. Ах, как она брала по несколько конфет! Это были «Киевские помадки» (сейчас таких нет), разноцветные: розовые, голубые, зеленые, белые, формой напоминающие клубничку. Они были такие красивые, что жаль было их есть... и с какой начать... какую из них первую съесть. Внуков у бабушки было трое: брат Толя, сестра Аля и я. Я была самая младшая. Поэтому старшие часто использовали свое превосходство надо мной. То сажали меня на козу, и я, вцепившись в ее рога, орала во все горло, пока животное пыталось меня сбросить, то еще что-нибудь придумывали, – так что бабушке приходилось отбивать меня от разыгравшихся брата и сестры. Один раз им так из-за меня попало, что они перестали брать меня в свои игры. Тогда я придумала свою, собственную. Ты не знаешь, что такое русская печь. Сейчас таких нет. Печь, в которой готовили еду, на которой отогревались зимой в морозные дни. Печь, на которой спали. Так вот, в нашей квартире рядом с такой печью стояла кровать. Полка на печи, на которой спали, отделялась от комнаты занавеской. Держась за нее, я следила за играющими братом и сестрой. Но вот занавеска не выдерживает меня, и я лечу вниз на кровать. Толя с Алей замерли – опять им попадет из-за меня, а я вновь лезу на печь, чтобы снова «свалиться». Все это, чтобы показать старшим, что я и одна могу играть.

Позже они стали включать меня в свои «действия», им доставляло удовольствие видеть, как я слушаю их пение. Например, они сажали меня на кровать, вставали передо мной и, как на концерте, пели жалостливые послевоенные песни. Про то, как возвращался с войны сомневающийся в себе калека-муж, а жена его встречала с распростертыми объятиями, уверяя, что он стал ей еще дороже. Или про то, как муж испытывал жену, написав ей, что он без рук и без ног – жена отказывалась от него, а муж приходил с войны цел и невредим, и уходил к другой. Очень, очень жалостливые... Этими песнями они доводили меня до слез – я рыдала навзрыд. Опять на выручку приходила бабушка, успокаивала меня, как будто понимала, что эти слезы и об отце. У тебя может сложиться впечатление, что брат и сестра только и делали, что мучили меня. Нет, мы росли дружными. Брат следил, чтобы у меня были игрушки. Сестра оберегала меня. И став взрослыми, они по-прежнему относились ко мне с нежностью и вниманием. Самые яркие воспоминания, – возвращение наших солдат после окончания войны. Наш поселок располагался так, что из города в него надо было спускаться по склону. И вот на самой высокой точке склона показались возвращающиеся солдаты. Помню женский голос, который кричал изо всех сил: «Бабы, наши идут!» Война закончилась, и все ждали своих сыновей, отцов, братьев. И все, кто был в поселке бежал наверх, с ними бежали и мы, дети. Помню пыль и оголенные ноги женщин – они бежали, задрав юбки. И среди этих ног, глотая пыль, боясь отстать от взрослых, – мы. Радость, ликование объединяли всех в одну семью... Силу вспыхнувших тогда эмоций можно сравнить разве только с известием о полете Юрия Гагарина в космос.

Кончилась война, и радость победы окружила не только людей, она, казалось, во всем: на земле, в небе, деревьях,

траве. Наконец, можно было обнять своего долгожданного, родного мужчину, вдохнуть запах его тела, прислонить свою голову к его плечу, почувствовать себя женщиной, позволить себе быть слабой. Тогда я этого не понимала. Просто счастье накрыло всех – и детей, и взрослых. Это было как единый вдох и выдох. И еще рождалась смутная надежда – вдруг среди вернувшихся и мой папа. Во все глаза смотрела на брата и сестру – к кому они бросятся. Они помнили его. Брату было 7 лет, сестре – 4 года, а мне всего три месяца, когда он уходил на войну. Мама рассказывала, что в день прощания с семьей отец взял гитару и стал играть что-то веселое, Толя с Алей притоптывали вокруг него. Потом он сгреб всех нас к себе, расцеловал и ушел...

Вернулся с войны младший брат мамы, дядя Вася. Опять крик на весь поселок: «Мотыка, ваш Васык идет!» И вновь лавина людей бежит вверх по склону. Берут этого Ваську на руки и на руках несут в поселок. Рядом его мать, сестра, племянники. Смотрим на него восхищенно, ведь на войне он был разведчиком. Позже вернулись и остальные мамини родные, все, кроме нашего отца. Он погиб под Калинином. Мама всю жизнь ждала его, не верила в его гибель. И нас научила верить, что отец жив. Каждый год в день Победы, 9-го мая, мама накрывала стол, мы усаживались за него и ждали чуда – вот-вот откроется дверь, и... Но чуда не было.

Мама долго хранила фронтовые письма отца. Постоянно их перечитывала, как-то не выдержала и сожгла их. Уцелело три письма. Мы поделили их между собой.

Мы не дали маме снова выйти замуж, – а как же папа? Зачем она внушала нам, что он жив? Не надеялась на себя или сознательно создавала иллюзию – чтобы мы не ощущали себя безотцовщиной. Или действительно верила, что он жив?.. А может, старалась своей верой защитить себя от многих житейских невзгод. Не знаю. Единственное могу сказать, что до сих пор, став матерью, бабушкой, у меня где-то там, в самом сокровенном уголке моего сердца, теплится надежда на встречу с отцом...

Незадолго до смерти, мама вдруг сказала мне: «Знаешь, доченька, я не хочу, чтобы сейчас пришел папа, – и, посмотрев на меня, добавила, – видишь, какая я стала, а он молодой, красивый!» Жизнь моей мамы ассоциируется у меня с картиной С. Рериха «Ждущая». Кругом горы, не очень-то приветливо, а впереди, куда обращена фигура сидящей женщины, еле заметный просвет. Она всматривается в эту даль, как бы приближая этот свет к себе. Ждущая... Ждущие... Таких ждущих женщин становится все меньше и меньше, как и солдат, прошедших эту войну. Мир праху твоему, дорогая моя мама.

Многие детские воспоминания стерлись из памяти, но некоторые живы до сих пор... Клуб, на полу которого сидит детвора. Смотрим фильмы, героини которых необыкновенные женщины. Может, это были Серова, Ладынина или Орлова? Наверное, тогда и зародилась у меня мечта стать актрисой. Но до этого, ох, как далеко. А пока что – Саратов, куда мы переехали всей семьей. Семья к этому времени прибавилась. Появился мамин племянник, наш двоюродный братишка Гена. Он родился в Германии, в плену, это от всех скрывали. Родители его, приехав к нам погостить, привезли и Гену. Но, уехав в Саратов, не вернулись, забыли про него. Через несколько лет появилась его родная мать и забрала Гену. Лучше бы не появлялась, но это другая история...

В Саратове, в доме, где мы жили, во дворе всей ребятней играли в театр, разыгрывали сказки, шили костюмы из мар-

ли, тряпок, не нужных взрослым. Занавесом служили простыни. Затя эта нравилась родителям: чем бы ни тешились, лишь бы не хулиганили. Еще играли в прятки, лапту, прыгалки. Было весело. Наш двор был лучшим двором на Первомайской улице, т. к. в нем находился небольшой сырзавод, по прозвищу «Вонючий». Его потом убрали. Но для нас, детей двора, он был подарком судьбы, потому как иногда выносила работница этого завода таз бракованного сыра. И тогда бросались все игры, и мы налетали на этот таз, и вмиг его опустошали...

До квартиры на Первомайской, мама снимала саманный домик на краю Глебучева оврага. По размеру домик для гномов, никак не для людей. В нем умещалась этажерка с книгами, маленький стол и кровать, на которой мы спали по очереди. Ложились поперек кровати, мама подставляла скамью, чтобы ноги не свисали. На кровати умещалось четверо – бабушка и трое из нас, остальные на полу. Как-то, когда я спала с мамой на полу, мне в ухо заползла двухвостка (в этом доме мокриц и двухвосток хватало). От грома в ухе я закричала. Как испугались бабушка с мамой, извлекая эту дрянь из моего уха! После этого на полу, заткнув уши ватой, спали только бабушка и мама.

А очереди за хлебом? Разве возможно их забыть? Ночью, когда безумно хотелось спать, мама будила нас, чтобы не пропустить пересчет. На пересчет – переключку надо было являться всем, если кто из семьи не приходил, того вычеркивали. Мы протягивали пересчитывающим свои руки, на которых химическим карандашом были написаны номера, они перечеркивались, и вписывались в ладонки новые. Пересчитывались много раз за ночь. Те, кто стоял в конце очереди, хотели приблизить себя к началу. И поэтому, когда люди теряли бдительность, уходили немного поспать (ведь утром на работу!), вдруг кто-то из задних затевал этот несчастный пересчет, и кто не успевал к нему, того безжалостно выбрасывали из очереди. Выбрасывали не только взрослых, но и детей. Какой душераздирающий визг, брань, слезы! Сколько было мордобоя! Люди дрались до крови, лишь бы «отоварить» карточки хлебом. Хлеба часто не хватало и последние уходили с пустыми руками. Господи! Никому, никогда не дай испытать этого, особенно детям!

Всегда помню свою первую учительницу, Анну Ивановну Ростовцеву. Помню, как маму, бабушку. И если во мне есть что-то хорошее, это и ее заслуга тоже. Есть люди, которых помнишь всю жизнь за их душевную щедрость, за радость. Будешь ли ты помнить свою первую учительницу? Время, в которое ты живешь, другое, более жесткое. Наши тогдашние отношения, наверное, отличаются от ваших, сегодняшних, но хочется верить, что есть что-то неизменное во все времена.

Учительница первая моя...

Внешне неброская, маленькая, но на удивление обаятельная. Высочайшей культуры и такта. Как тогда в Союзе говорили: «из бывших». У нее было чутье открывать в своих учениках дар. Благодаря этому она помогла многим девочкам найти свой путь в жизни. Открыла она и во мне то, что определило мою жизнь. Однажды на уроке чтения, Анна Ивановна вызвала к доске прочитать небольшой отрывок из книги Короленко «Дети подземелья». И вот я читаю. Читаю, читаю, а она не останавливает меня. Я думаю, – чего это она? Так и читала до конца урока. После этого она включала меня во все литературные конкурсы. Анна Ивановна как-то рассказывала о своем далеком родственнике, который дружил с И. А. Крыловым. Я вспомнила об этом, когда рабо-

тала над тематическим концертом Саратовской филармонии о великом баснописце, журналисте, драматурге. Ее далекий предок был начальником военных учебных заведений Петербурга. Лишний раз убеждаешься, что в жизни нет случайных встреч – все завязано и переплетено кем-то.

Анна Ивановна иногда брала меня к себе домой, подкормить. Под разными предлогами. То ей надо было помочь донести стопку тетрадей, перевязанных бечевкой, то она «не помнила», как надо варить кашу, то дополнительно позаниматься арифметикой, с которой я не очень дружила. А однажды Анна Ивановна преподала нам всем урок благородства и такта. Тогда были мужские и женские школы. Все девчонки нашего класса были из семей разного достатка. В основном, беднота. Война закончилась. Люди с большим трудом поднимали хозяйство страны. Многого не хватало. Не хватало хлеба. И вот одна девочка, дочь начальника какой-то базы, принесла в школу белую булку. Большую, сдобную. И большое яблоко. Она положила все это на парту, собираясь есть. Мы столпились вокруг, смотрели на булку и яблоко, как на чудо. Анна Ивановна подошла к нам и, мгновенно оценив ситуацию, сказала девочке, чтобы она немедленно все спрятала или разделила на всех. Почему девочка решила все это разделить на всех, я не знаю, может, сочла это решение лучшим, а может, глядя на свою учительницу, поняла, что нужно так сделать, а не иначе. В общем, каждой досталось крошка от булки и крошка от яблока. На следующий день пришел в школу отец этой девочки. Возмущенный. Мы стояли за дверью класса и слышали, как Анна Ивановна говорила ему: «У вас одна дочь, а у меня их 45, у многих нет отцов. Погибли на войне. Многие не знают, что такое белый хлеб. Кормите свою дочь дома. Но в школу не смейте давать то, чего не видят на столе другие дети». Девочку потом перевели в другой класс, к другому учителю.

Еще один эпизод из школьной жизни. Как-то на уроке я потеряла сознание от голода, и Анна Ивановна добилась, чтобы в школе мне выдавали еду – две булочки. Они не были похожи на ту белоснежную пухлую булку одноклассницы, но все равно – не черные. Одну из них Анна Ивановна заставляла меня съесть. Я ее ела, но вроде бы как нечестно было перед братом и сестрой. Анна Ивановна понимала это и разрешала вторую отнести домой. Она вместе с мамой ходила в военкомат, где нам выдали по фуфайке, что-то на ноги, но самое главное – помогла маме оформить пенсию за отца. Он был офицером. И хоть пенсия офицера была больше солдатской, все равно ее не хватало. Нас было четверо, да бабуля, а мама одна кормилица. Бабуле, как бывшей помещице-кулачке, пенсии не полагалось, для советской власти она была чужеродным элементом. Живи, как хочешь.

Бабушку, Евдокию Никитичну Бабкину, по мужу Шевченко, рожденную в 1881-ом году, помню высокой, стройной, несмотря на преклонный возраст. С шикарными волосами ниже пояса. Однажды, когда бабушка заболела, мама повезла ее в больницу, но чтобы положить на лечение, нужно было остричь ее. Медсестры не решались – рука не поднималась – вызвали главврача. Все были растеряны, как быть? Резать эту красоту или нарушить правила? Бабушка никому не хотела приносить хлопот и настояла, чтобы ее остригли как и всех, кто поступал в больницу. Она была строга, но справедлива. Требовала от нас четкости во всем, приучала к порядку. Требовала соблюдать чистоту, в каких бы условиях мы не находились. Была неразговорчива. О

себе никогда не рассказывала. Лишь из обрывков фраз складывалось у меня представление о ее жизни, а также о жизни ее матери.

В 25 лет бабушка стала вдовой. Ее муж умер в 35 лет. Перед смертью потребовал, чтобы она поклялась на иконе, что не выйдет больше замуж. Бабушка поклялась и сдержала слово... На ее руках осталось четверо детей. Три мальчика и девочка – моя мама. К бабушке сватались помещики, купцы, но она была непреклонна. Была не бедная – у нее был ряд домов, земля – не то в Алексеевке, не то в Н. Бурасах, не то в Базарном Карабулаке. Эти названия поселков я не раз слышала от нее. Почему она не хотела нам ни о чем рассказывать? Ведь не хотела же она, чтобы мы были Иванами, не помнящими родства. Может быть, она не хотела, чтобы мы держались за прошлое и думали, как вернуть нажитое нашими предками? Но больше всего она боялась за наши жизни. Пришли к власти коммунисты и пока хоть один ходит по земле, счастья не будет, говорила она. Что ж, ей пришлось многое потерять, многое пережить, многое видеть. Видела она, как уничтожали богатых, как крушили храмы, как выносили церковную утварь и жгли ее на кострах, как ретивая молодежь того времени танцевала на иконах. Пережила голод, который доводил людей до людоедства. Самое главное наследство, которое она нам оставила – это почтение к труду и надежду на лучшее, веру в себя. Пыталась привить веру в Бога, но мы были частью своего антирелигиозного времени.

Когда мне было лет 10-11 лет, она почему-то со мной пошла проститься со своими родными местами. Мы ехали автобусом, потом шли пешком. Меня мутило от жары. Бабушка подбадривала. Помню косогор. Бабушка стояла на нем прямая, величавая, опираясь на посох, и смотрела вниз на поселок. В ней было что-то такое, что я не смела ее тревожить. Что-то останавливало. Такой я ее еще не видела. Что она хотела от меня? Чтобы я запомнила эти земли, дома? Но я ничего не помню. Единственное, что я запомнила, когда мы сошли вниз, из одного двора выбежала женщина и прокричала, как прошипела: «Что, привела своего выкормыша посмотреть на свои дома, земли, а они наши теперь, наши. Мы теперь хозяева!» Мне было очень обидно слышать, что я выкормыш, бабушка не удостоила вниманием эту женщину, повернулась ко мне и спокойно-спокойно сказала: «Не слушай ее, дочка. Это из тех, кто никогда не умел и не хотел работать». От посещения этого поселка осталось неприятное чувство: мы шли по улице, а окна домов захлопывались, закрывались. Бабулю и меня боялись принимать. Мы оставались на земле вдвоем. Теперь-то я понимаю, люди боялись не нас, они боялись за себя. Узнала я, что после революционной перестройки в России, бабушку с детьми посадили в телегу и отправили в Казахстан, в Караганду. Но поскольку в нашем роду были не только белые, но и красные, которые занимали в Саратове какие-то важные посты, то бабушку с детьми довели до Саратова и бросили, как бы забыли про них. Как они выжили – одному Богу известно. И еще одно из воспоминаний врезалось в память. Сажу за столом, учу урок по истории про Петра Столыпина, про его жестокость и прочие ужасы. Бабушка подошла ко мне, положила руку на учебник и сказала, что этот урок она разрешает мне не учить, потому что то, что написано в книге – неправда, и что Петр Столыпин был умным и честным человеком, уважаемым государственным деятелем России, любил свою страну. Знала бы она сейчас, что на нашей улице, на Первомайской, в доме, в котором я

живу, открыт центр имени П. Столыпина. А там, где Первомайская упирается в музей им. Радищева, есть небольшая площадь, названная в его честь, на которой стоит памятник этому замечательному человеку. За это саратовцы благодарны прежнему губернатору Д. Ф. Аяцкову, который трепетно относится ко всему, что связано с именем Столыпина.

Так получилось, что я рассказала тебе не только о себе, но и о тех женщинах, с которыми прошло мое детство – это мои мама, бабушка и учительница. Их судьбы во многом схожи. Благодаря своей стойкости и благородству, они смогли выстоять в этой жизни. Жизнь страны после всяческих потрясений проверяется через прочность женских сердец. Устоят? Значит стране быть.

А теперь о том, что я слышала от бабушки о ее матери, твоей пра-пра-прабабушке. Это предание нашей семьи и мне хочется, чтобы ты знал его. Это любопытная история. Она складывалась из разговоров бабушки с мамой, из отдельных реплик. Мать бабушки, Мария, была из бедной семьи. Ее семья и семья жениха, Никиты Бабкина, были переселенцами с Дона, донские казаки. Мария была, по словам бабушки, красоты несказанной. Стройная, с большущей косой, с громадными в пол-лица глазами. В нее и влюбился Никита. Он был из богатых. Мария была к нему равнодушна. Ее выдали замуж насильно. В первую брачную ночь муж взял ее силой. От нервного потрясения Мария ослепла. Поговаривали, что это проделки соперниц. Наговоры, колдовство. Никита был красавцем, богачом и многие девушки мечтали иметь такого мужа. Мать ослепшей дочери долго горевала. Искала знахарей, чтобы помочь ей. Наконец, нашла деда – колдуна, скорее, знахаря. Дождались, когда молодой муж уехал по делам. Марию увезли на безлюдный остров Волги. Ее никто не должен был видеть, ни одна живая душа. Она не должна была носить тяжести, не иметь дело с водой, с огнем. Оставили ей отвары разных трав, еды на много дней и уплыли. Марии оставалось слушать пение птиц, плеск волн и не забывать пить отвары. Сколько прошло времени не знаю, но, по рассказам бабушки, Мария стала видеть, смутно. Зрение возвращалось к ней. Но вот приезжает муж Марии и не находит ее дома. Начинаются поиски. Но никто не знает, где она. Все молчат. Никита в бешенстве. И все же находится добрая душа и рассказывает ему, где его Мария. Ночью он переправляется к ней... После этого Мария окончательно ослепла. Немного продолжалась семейная жизнь. Никита все чаще пропадает в имении Столыпиных. Надо сказать, что Мария прекрасно ориентировалась в пространстве, узнавала людей особым чутьем. Глядя на нее, никто никогда бы не подумал, что она

не видит. Но вот, волею судьбы, в один из прекрасных дней, Мария уходит с девушками то ли за ягодой, то ли за грибами. А когда возвращались домой, то перед ними неожиданно появился на белом коне (помню бабушкину интонацию, когда она об этом говорила) молодой барин, Петр Столыпин. Все девушки попадали на колени, а наша красавица стоит, не понимая ситуации. А молодой барин соскочил с коня, подошел к ней и спрашивает ее, кто она, чья мол, будет? Она отвечает ему, что она жена Никиты Бабкина. Петр удивляется – в усадьбе готовилась свадьба Никиты. Скрыл от Столыпиных, что был уже женат. Петр, по рассказу бабушки, привез Марию в усадьбу, представил своей семье, преклонив перед нею колени, сказал всем: «Посмотрите на нее! Это же настоящая русская красавица!»

Не знаю, состоялась ли новоявленная свадьба или нет, только Марии был построен дом, в котором она жила и вела хозяйство.

Случилось так, что ты носишь имя Никиты, но это не имеет никакого отношения к твоему далекому предку – это твое имя, которое почему-то очень нравится мне и твоей маме.

Осуждать пра-пра-пра-деда твоего не смею. Да и не к чему. У каждого своя судьба. Кто его знает, может, Никита так любил Марию, что в глазах темнело, и, глядя на нее, терял рассудок. Тем более она не могла ответить на его чувство. Кто знает? Может, он и сбежал от Марии, и женился на другой, чтобы заглушить в себе невыносимую страсть. Получилось ли у него... Тоже вопрос... Страсть – жуткая штука, наверное, теряется сознание и выползает на свет древний хаос. Человек становится заложником этого чувства. К любви это не имеет никакого отношения. Может, Мария чувствовала это и не смогла смириться с тем, что ее не любят... Кто знает...

Не знаю когда, но уйду и я, как все дорогие для меня люди, близкие и любимые. Но я не боюсь этого, потому что я всегда буду с вами, с мамой и с тобой. Из далекого прошлого-будущего буду помогать Вам, буду с Вами во всякие дни – мрачные и светлые, радоваться Вашим успехам, оберегать от дурного.

Твоя бабуля Людмила.

*Людмила Орлова,
дипломант Премии им. О. Бешенковской*

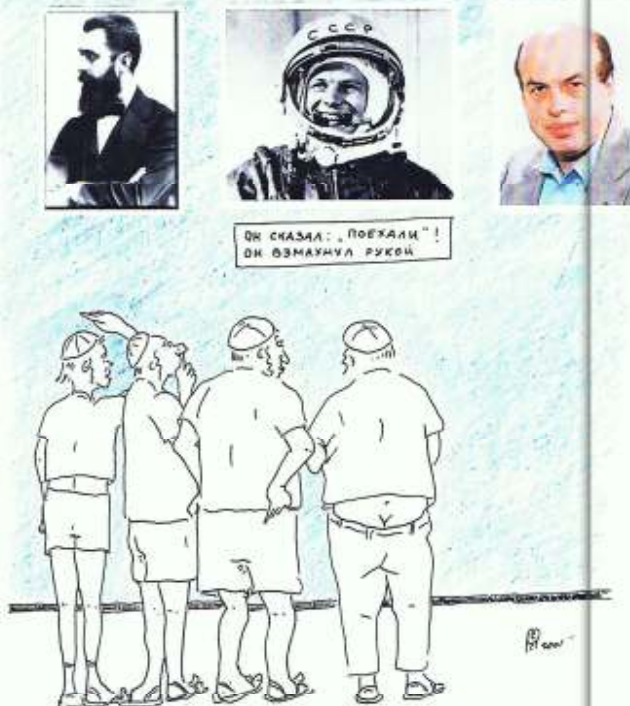
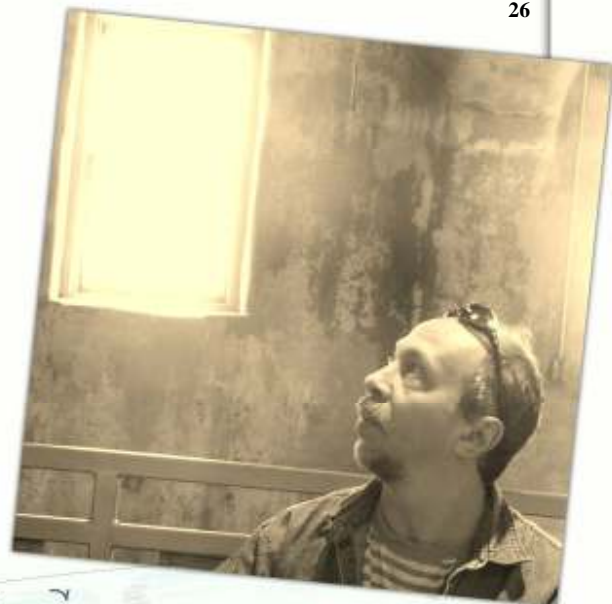

В ГОСТЯХ У ШУРНАЛА КАРИКАТУРИСТ Е. ГУЛЕЦЬ

Справка. Е. Гулець родом из Киева или, точнее, из Егупца. Отсюда и псевдоним. Возраст – 53 года.

Из них 33 прожил в СССР, 7 – на Святой Земле и 13 – в Новом Свете. Участник объединения карикатуристов «ПЕНКОМ».

«ПЕНКОМ» существует с 1995 года в городе Хайфа (Израиль). Руководит им Геннадий Костовецкий. Ежегодно клуб проводит различные международные конкурсы. А 100 лучших работ с них выставляются во время Хайфского международного кинофестиваля.

Валентин Макушев... Полтора – два десятка лет назад это имя мало было известно почитателям рязанской литературы – разве только близким людям и друзьям писателя. Но постепенно его литературные способности набирали творческие обороты, и в последние годы минувшего века обозначились яркими вспышками незаурядного таланта.

Сегодня Валентин Макушев – один из знаковых писателей Рязанщины, Член Международной гильдии писателей, член Союза писателей России, автор 8 поэтических и 4 прозаических сборников, хотя его путь к читательскому признанию был не простым. Каковы же истоки его творчества, какие стимулы вдохновляют писателя на литературном поприще?

Сам В. Макушев об этом пишет так: «Мои детство и юность прошли в деревне Полухтино, удивительном уголке касимовской Мещёры. Красота и великолепие родного края, добрая приветливость и искренняя общительность местных жителей, удивительная гармоничная общность людей и природы с малых лет развивали в моей душе прекрасные, трепетные чувства радости, теплоты и любви.

Сын мещёрской стороны

Однако по-настоящему понять прелесть касимовской Мещёры мне довелось несколько позже, когда, исколесив знойный Туркестан, вдоволь насмотревшись на Каспий и Кавказ, я, спустя некоторое время, вновь вернулся на родину. Да, такой красоты я не видел нигде! Именно в этот момент, как в глубокий омут, я окунулся в поэзию...»

Валентин Макушев более 30 лет прослужил в органах внутренних дел, еще со времен армейской службы побывал в различных точках нашей – тогда необъятной – страны. Где бы он ни был, его острый поэтический глаз на лету схватывал и хорошее, и плохое – то, из чего и состоит, в

сущности, наша скоротечная жизнь. Все это нашло отражение в его стихах и прозе, но особого уважения заслуживает его непримиримая позиция к «сильным мира сего», доведшим Россию до такого унижительного положения, в котором она находится и сейчас: пропасть между богатыми и бедными, наплевательское отношение к последним со стороны властей всех уровней, их предательство коренных интересов простого народа.

Писателем написано немало замечательных произведений, созвучных самому взыскательному читательскому вкусу, но, думается, что это – не предел.

Мещёрское утро

Над синим лесом – радуга-дуга,
Потоки света, как полоски.
Я прямиком иду через луга
На живописный берег окский.

Трава густая – в капельках дождя,
Дурманит запахом нектара.
Веселым взглядом васильки глядят
На небо раннего загара.

Ромашки спят в лазоревой тиши,
А где-то в нежной дымке пара
Мелодией живительной души
Играет удивительно гитара.

И этот звук, как звоны хрусталя,
Плывет над сказочным простором.
Поет зазывно милая земля,
Поет рязанская Мещёра.

И я плыву в рассветной сизой мгле,
В тумане розоватом исчезаю...
Бескрайне рад, что здесь я, на Земле
Живу, люблю, творю, дерзаю!

Журавлиная любовь

Весна брала свои права.
Я тихо шел к началу лога.
А вот – зеленая трава,
Хотя её еще немного.

И вдруг сквозь ветки тополей,
Как изваяние, в тумане
Заметил серых журавлей
На оживающей поляне.

Слегка подняв одно крыло,
Журавль ласкал свою подругу.
Она в ответ свое тепло
Дарила любящему другу.

Все повторялось вновь и вновь,
А я смотрел застывшим взглядом
На журавлиную любовь,
Что здесь была, со мною рядом.

Любовь земная! Без границ...
И в это светлое мгновенье
Все ласки, чувства вольных птиц
Душе дарили упоенье.

Легенды мирового искусства от Анатолия Сигалова, члена МГП

Кино начала XX века. Дуэлас Фербенкс, Чарльз Чаплин, Рудольфо Валентино... Эти имена были известны всему миру. Но Карлос Гардель, «король танго», в 30-е годы обладал славой не меньшей, чем эти великие актеры. День рождения знаменитого аргентинца, 11 декабря, объявлен Международным днем Танго.

Танго! Нет в мире другого танца, который бы так распаллял воображение и эмоции публики, заставляя сердца биться, а тела двигаться в такт его «говорящему» музыкальному ритму, который бы так завораживал нас чарующей пластикой движений танцоров и смущал умы своей яростной чувственностью, неудержимой фантазией и глубоким смыслом. И нет в мире другого танца, который бы так легко захватил мир на целое столетие и стал музыкальным символом целой нации. И только один человек – Карлос Гардель, талантливый аргентинский певец, киноактер и поэт, создал этот музыкальный символ для своей родины, Аргентины.

Читаем в энциклопедии: «Официальной датой рождения танго-песни в современном понимании считается 1917 год, когда Карлос Гардель впервые исполнил и записал песню «Mi noche triste» и его имя с тех пор неразрывно связано с историей танго, поскольку именно Гарделю танго обязано своим рождением, популяризацией и выходом на мировую концертную площадку». Отлично, это уже говорит о многом, но мы перевернем назад еще пару пожелтевших страниц этой удивительной и захватывающей истории, чтобы знать о танго и его «кабальеро» чуточку больше....

Итак, латиноамериканское танго произвело фурор в салонах Европы перед первой мировой войной и быстро превратилось в увлечение аристократов. Его с удовольствием танцевал даже испанский король Альфонсо XIII, большой любитель музыки и балета, слушал в граммофонной записи Николай II незадолго до революции, «блаженствовал» под звуки танго экстравагантный Черчилль, обожали его Шаляпин и Стравинский. И так далее. Но «массовым», как, к примеру, чарльстон, танец не стал, всеобщей любимой стала танго-песня. В то же время танго вызывало страшные скандалы, многие его обвиняли в «эротичности и греховной сущности», и тогда Римский папа публично отпустил новому танцу все грехи за прошлое и на будущее, что само по себе достойно удивления. Во всем виновата, наверное, отнюдь не высокоморальная история его рождения. Появился этот темпераментный танец в значных местах портовых южноамериканских городов, и танцевали его поначалу только «портеньо» – матросы, ожидающие отплытия в прокуренных портовых кабаках с красной лампой в окне, девицы легкого поведения, зарабатывающие там свои нелегкие деньги, грузчики, зашедшие пропустить рюмку-другую после тяжелого рабочего дня, и вездесущие ловкие мальчишки, которые, вырастая в грязных портовых районах, становились «мачо», неотразимыми жиголом, прекрасно знающими все тайны обольщения и жизни многоликого портового города.

Танго Гарделя

Есть легенда, что Карлос Гардель рос именно таким «мачо». Впрочем, музыкальные справочники освещают множество его биографий, причем одна фантастичнее другой. И это тоже достойно удивления, потому что жизнь его хорошо известна, и в ней не так уж много легенд. Но если речь идет о кумире публики – легенды частенько оказываются правдивей и естественней, чем малоинтересные, хотя и реальные факты его биографии. Кроме «Гарделе-портеньо» ходили и другие легенды об артисте.

Например, о «Гарделе-гаучо», о котором говорили, что он вырос в Буэнос-Айресе, разносил письма и пел на улицах, зарабатывая на жизнь, и в конце концов стал ловким пройдохой и всеобщим любимцем публики... Или вот еще – о «Гарделе-негоро»; будто бы он родился в горной деревне, принадлежавшей богатому плантатору, и своим появлением на свет был обязан страсти хозяина к рабыне-негритянке... А прозвищ у него было и того больше: Гарделито, Дон Карлос, Маэстро, Тот, кто поет как бог, Франсито (Французик), Креольский Дрозд и, наконец, попросту – Старина. О, еще бы, ведь он прославил на весь мир свой город песней «Буэнос-Айрес керридо» и, как писал его биограф Ромеро Манци, в его песнях «можно проследить судьбу Буэнос-Айреса, улиц и закоулков, криков и шепотов, прошлого и настоящего, шумных, веселых и полных нежности вечеров. Город обрел в Гарделе своего Человека, своего историка, неподражаемого и точного...».

Карлос Гардель (Гардес – была его настоящая фамилия) родился на самом деле во Франции, в Тулузе, 11 декабря 1890 года. Его мать-аргентинку звали донья Берта. Когда уже обласканного славой Гарделя в середине 30-х спросили о его отношениях с матерью, он с теплотой и искренностью ответил: «Когда мне нужны мир, спокойствие и тишина, я прихожу навестить мою старушку и возле нее вновь обретаю силы». В столице Аргентины, куда семья переехала из Парижа, он рано начал петь, и сразу – с большим успехом. Уже тогда этого гибкого, «лакированного» юношу часто забрасывали цветами: своими песнями он точно «попадал в сердца» sentimentalной столичной публики.

В столице Аргентины, куда семья переехала из Парижа, он рано начал петь, и сразу – с большим успехом. Уже тогда этого гибкого, «лакированного» юношу часто забрасывали цветами: своими песнями он точно «попадал в сердца» сентиментальной столичной публики. Конечно, репертуар буэнос-айресских театров, состоящий из пьес, в которых очень по-аргентински «раздираение страстей в клочья» заканчивалось сладкой идиллией и щемящей лирикой, сильно повлиял на сюжеты ранних танго Гарделя.

А Франция снова вошла в жизнь артиста в конце 20-х. Он поет в шикарных кабаре Парижа, его танго имеют бешеный успех, в словах песен появляется утонченность чувств, а простота и сердечность красавца-«портеньо» приобретают уже не аргентинский, а европейский светский лоск. Ослепительные женщины вьются возле молодого и талантливого артиста. Гардель любил жизнь и не упускал пользоваться случаем, но это не помешало ему однажды сказать журналистам: «Женщины? Я все-таки предпочитаю латиноамериканок, они лучше понимают мой темперамент, а впрочем, мне нравятся все привлекательные и умные женщины». Вскоре в Жуанвилле, где открылось французское отделение американской киностудии «Парамаунт», Карлос Гардель начинает сниматься в кино.

Впервые аргентинский певец появился на экране в немом фильме «Цветок персика» (1917). Участие в нем кончилось для Гарделя печально. Он понял, что как киноактер далек от совершенства, и от самоуверенности не осталось и следа. Однако желание играть толкнуло его брать уроки актерского мастерства у хороших французских режиссеров. Делал он это втайне, постоянно повторяя друзьям и журналистам: «Я певец, и как актер не работаю». И только спустя тринадцать лет, в 1930 году, режиссер Эдуардо Морейра снял с ним около десятка короткометражек с исполнением им собственных песен.

Так что, некоторый опыт у Гарделя появился, но его явно не хватало для успеха в условиях уже довольно развитой кинематографии. Тем не менее для съемок фильма «Огни Буэнос-Айреса» с его участием, в Жуанвилле был запущен в оборот весь арсенал коммерческого кино. Много музыки, красивые артисты, пылкие страсти, экзотическая для европейцев и североамериканцев природа. Одним из авторов фильма был известный впоследствии Мануэль Ромеро, тогда еще начинающий писатель и режиссер, бредивший постановками национальных аргентинских музыкальных лент. Фильм провалился, а газеты писали, что единственно достойным внимания в картине был только голос Гарделя, что прибавило очков к его славе, но самого артиста надолго выбило из колеи.

А студия продолжала снимать фильмы с Гарделем, то есть, эксплуатировать его голос, совершенно не обращая внимания на плохую актерскую игру. Фильмы, впрочем, тоже были пустышками, но это не имело значения – важен был его голос, и они имели успех. На «Огнях Буэнос-Айреса» в Испании, публика аплодировала стоя исполнению Гарделем одного из своих танго и потребовала повторить киноэпизод... В общем, за два года Карлос Гардель снялся в четырех парижских картинах, после чего получил приглашение в Голливуд. Следующие свои танцы он исполнял в очередных пустышках, но уже на Лонг-Айленде – «Танго на Бродвее» (1934), «Танго-бар» (1935)... Голливуд принимает его. Режиссер Норман Торог, снимавший музыкальные фильмы со всеми сколь угодно значительными звездами эстрады 30-50-х годов, приглашает Гарделя в картину «Ловцы звезд», понравившуюся публике и прессе. Следом он получает лестное предложение от старого друга, Мануэля Ромеро, получившего, наконец, возможность осуществить свою давнюю мечту – снять в Голливуде аргентинский музыкальный фильм «Румба». С хорошим, не «бросовым» сюжетом. Гардель тоже окреп: он приобрел уверенность, опыт, а его лирические песни, неподражаемые танго, покорили весь мир. Но этому проекту не суждено было увидеть свет.

Пока режиссер заканчивал подготовительный период к съемкам, Карлос Гардель принял приглашение выступить в знаменитом Колумбийском театре Хорхе Исаака. Ромеро, будто предчувствуя неладное, пытался отговорить его лететь. Но певец мягко настоял на своем. И погиб – самолет разбился где-то в Андах. Вечером администратор Колумбийского театра, только что узнавший о несчастье, выйдя на сцену и обращаясь к переполнившей зал публике, срывающимся голосом сказал: «Прошу извинить, концерта не будет, сеньоры. Сегодня погиб Карлос Гардель». Авиакатастрофы тогда не были редкостью.

Но вот, верьте или не верьте – в день вылета «Карлито» из Штатов, около трех пополудни, его матушке, донье Берте, дремавшей в жару в своей буэнос-айресской квартире, показалось, что постучали в дверь. Тяжелый горячий комок на мгновение стиснул сердце и провалился в пустоту. Донья Берта встала и открыла дверь. На площадке никого не было. Тогда она вышла на лестницу и громко позвала. Тишина ответила ей. Двор был пуст, лишь задержавшийся у ворот мальчишка-газетчик, роясь в велосипедной сумке, монотонно насвистывал знаменитое танго Гарделя...

Премия им. О. Бешенковской

Сезон 2011-2012

Литературная премия имени Ольги Бешенковской учреждена в знак уважения к ее памяти, а также для развития и продвижения литературной деятельности в русле заложенных ею традиций. Учредитель премии – Международная гильдия писателей.

Премия имени Ольги Бешенковской не содержит в себе денежного номинала. Главный приз – издание книги автора-победителя и ее продвижение на книжный рынок.

Кроме сертификата на издание книги, премированному автору вручается диплом и памятная медаль. Если автор не является членом МГП, он получает право вступления в МГП на льготных условиях в текущем году.

Авторы, чьи работы выйдут в финал, получают право их публикации в культурно-публицистическом журнале «Новый Ренессанс». Интервью с финалистами также будут напечатаны на страницах журнала и помещены на сайте МГП.

На соискание премии Ольги Бешенковской могут быть выдвинуты:

– ПОЭТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ;
– ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА – статьи, обзоры, рецензии на художественные произведения, публицистика, научные исследования русской литературы и языка, и т. п.

Участие в конкурсе бесплатное.

Документы и материалы по соискателям представляются в оргкомитет не позднее 10 декабря текущего года.

Вручение премии организуется как торжественный публичный акт.

Подробнее смотрите на сайте МГП:

schriftstellergilde.org

STELLA.RU ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Учредитель:

Международная Гильдия Писателей
<http://schriftstellergilde.org>

Издатель:

© Издательство «stella.ru»
<http://stella.ucoz.de>

Редактор:

Е. Яхненко

Корректор:

А. Сигалов

Дизайн:

© В. Цветков

Ответственный секретарь:

Л. Баумгартен

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции.

Редакция не несет ответственности за достоверность фактов и сведений в авторских материалах.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Редакция оставляет за собой право редактировать присланные текстовые и иллюстративные материалы.

ISBN 978-3-941953-45-1

